

**«Афганец»:
оставшийся
в прошлом**

Левсет Дарев

 Москва 2017

16+

Левсет Насурович Дарчев «Афганец»: оставшийся в прошлом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39434741

SelfPub; 2018

Аннотация

Позади Афганистан. Главный герой прошел через кровь и грязь. Все лучшее – любовь, семья – проскочило мимо и осталось в прошлом. В настоящем – одиночество и смирение перед судьбой. Но неожиданно, спустя десяток лет, он обнаруживает, что у него есть дочь: забрезжил луч надежды. Сможет ли он дотронуться до этого света и обрести счастье?

Содержание

Часть 1	6
Сон и зубная боль	6
Оставшийся в прошлом	21
Первое знакомство	26
Брежнев: последняя капля	33
Заседание Политбюо	38
Брежнев: уныние	43
Направление в Афганистан	49
Прощальное море	52
Часть 2	58
Настоящий врач	58
Тайна матери	64
На дачу с иском для жизни	71
Встреча с Андреем	87
Афганистан: за еать офицера	94
Мысли о прошлом	106
Лена: возвращение из отпуска	111
Лена: воспоминания детства	117
Детский сад	122
Она ненавидела войну	129
Часть 3	135
Макеевка	135
Лена в больнице	146

Почему то ты?

149

Возвращение в настоящее

156

Левсет Дарчев
«Афганец»:
оставшийся в прошлом

© Алимуратов А., 2017

Часть 1

Сон и зубная боль

У Семена, мужчины пятидесяти пяти лет, начальника службы безопасности частной фирмы, была годами отработанная привычка: он, придя на работу, сразу же готовил кофе, подходил к окну, раздвигал шторы и начинал смаковать его маленькими глотками. Недели две назад в этой церемонии произошли изменения: у него появился компаньон, с которым он не был знаком, но вызывал у него неподдельный интерес: в здании напротив в таком же офисе, как и у него, в это же время появлялась симпатичная девушка с чашкой кофе, отдувая с нее горячий пар. Она вежливо улыбалась, а перед тем как отойти от окна и задвинуть шторы, она махала рукой. Два дня как ее нет, и Семен испытывал легкую досаду: она хоть как-то скрашивала его одиночество. Это незначительное событие, конечно, не могло тронуть его душу так же, как легкий ветерок корабль в океане. Энергию для существования он черпал в прошлом: там у него осталось все лучшее, что может быть у человека, – любовь, мечты, надежды.

Несколько дней назад произошло событие, которое вовсе выбило его из колеи: ему позвонил друг, однокурсник, однополчанин, ныне действующий генерал России и сообщил

ссылку в интернете на видеofilm, который потряс его.

Семен отошел от окна, приблизился к столу и рухнул в кресло за рабочим столом. Он включил видеofilm. Хотя смотрел его десяток раз, он не мог насытиться: фильм встряхнул его внутренний мир и нарушил его покой. Он думал, что все забыто и забито в угол под замок, боль о прожитом оказалась сильнее боли зубной, которая ни с того ни с сего появилась почти одновременно, и он с этим ничего не мог делать: врач-дантист помучил его неделю и отпустил, разводя руками и вытянув лицо в беспомощности:

– Не знаю, может, у вас нервы...

Он нажал на стрелку, чтобы запустить файл. Корреспондент с жидкой бородой, крупными чертами лица, покатым лбом и выдающимися бровями – настырный, бесстрашный – подал руку, поздоровался с афганским генералом и представился:

– Я – корреспондент российского телевидения. Зовут меня Петр.

– Очень приятно, – произнес афганский офицер с волевым подбородком, с крупными костями, что свидетельствовало о природной силе и расположенности к агрессии. – Меня зовут Халк. Как доехали?

– Нормально, через Эмираты, – журналист снял с плеча фотоаппарат.

– Меня покажут в России, и меня могут увидеть старые знакомые? – с довольным выражением лица с иронией пред-

положил генерал.

– Наверное, – хмыкнув, сказал Петр с улыбкой. – Перейдем к делу. Меня в первую очередь интересует положение дел в вашей стране и мнение людей о событиях в то время, когда здесь были советские солдаты. Это сегодня – актуальная тема в нашем обществе. Идет какая-то переоценка того, что было.

– Хорошо, – сказал Халк, – Как раз-таки по этому поводу я бы хотел изложить вам кое-какую информацию исторического характера. Это может быть очень полезным для такой передачи. Вы согласны?

– Да, конечно, – согласился Петр.

Генерал кашлянул, готовясь к длинной беседе.

– Я инициировал нашу встречу с вами, потому что я, как многие афганцы, понял, что мы ошибались в оценке ввода ваших войск в нашу страну, и мы полны желания вернуться назад к сотрудничеству.

– А что изменилось? – спросил Петр.

– А вы ехали на такси, ничего не заметили? Народ голодный, необразованный, больной, а мировое сообщество молчит.

– А американцы что, не помогают? Ведь выделено, если не ошибаюсь, 40 миллиардов долларов.

Офицер громко рассмеялся. Он, сидя напротив за стеклянным журнальным столиком, в руке с волнением мял сигарету.

– Американцы? Хм. Они никому не помогают, если нет интереса, – он потер пальцы, имитируя деньги. – Они здесь не для того, чтобы помогать, а для того, чтобы создать плацдарм для агрессии против соседних стран.

– Даже так?

– Разве трудно сделать вывод: Ирак. Ливия, Сирия... Особенно обидно за Ливию. Непонятно, от чего защитили американцы народ Ливии: от бесплатной и самой дорогой медицины в мире, от бесплатного образования или пособий по рождению, учебе и старости? На этот вопрос вам никто не ответит. Возвращаясь к теме нашего разговора, скажу: сегодня как нет вашей страны, так и нет того Афганистана, – продолжил Халк уже ровным тоном, – есть разделенная по национальным признакам угнетенная страна – таджики, узбеки, пуштуны. И каждый из них считает себя хозяином. Посеяли преступность и коррупцию: полицейские днем охраняют закон, а ночью становятся бандитами – все хотят кормить свои семьи. А что натовцы? Им начихать на народы – они, загнав сюда 140 тысяч своих солдат, делают свое дело. Мы ошибались, и вы ошиблись. Теперь мы хотим, чтобы вы вернулись и помогли нам еще раз. Неблагодарно, да? Наверное, судьба.

Журналист вопросительно поднял брови.

– Да, да, – произнес Халк. – Вы нас предали. Это сделал Козырев. Сначала мы вас ненавидели за то, что вы вторглись к нам, а затем за то, что бросили нас, – пауза. Генерал договаривает глазами и мимикой: – Брежнев был хороший, даль-

новидный и хитрый политик, но его предали.

Петр усмехнулся.

– Вы мне не верите? – спросил генерал, мотнув головой. – О, эта Россия, некогда самая могущественная страна в мире, на которую смотрели с завистью. Омерзительная история с ее развалом. Я знаю то, чего не знаете вы: вашу страну развалили изнутри. Кто герой и кто предатель разбирайтесь сами. Лично для меня предатель за идеи – это герой, предатель по недоразумению – это идиот, предатель за деньги – это предатель.

Журналист, внимательно наблюдавший за новым знакомым, отметил, что последние слова он повторяет второй раз – значит, он знает что-то очень важное и нарочно напрашивается на вопросы.

– Да, да, именно так, – подтвердил свои слова Халк. – С тех пор утекло много воды. У вас есть поговорка: «Время – лучший судья». Факты сами говорят за себя. Вашу страну развалили ваши люди. Можно я покурю?

– Это я у вас в гостях.

– Ладно, – выпалил генерал, прикурив сигарету. Он сделал глубокую затяжку и отвел взгляд. Клубок сизого дыма за клубился перед его глазами и облачком поплыл по комнате. Петр задержал дыхание. – Я понимаю: любому это тяжело осознать.

– У вас есть доказательства?

– Давайте все по порядку, – начал афганец как бы издале-

ка. – Россия – некогда самая могущественная страна в мире, образец национального подъема. И мне обидно, что моя страна стала одной из причин ее развала. Вы улыбаетесь, но это – чистая правда. Сначала посмотрим, с чего все началось, – он вытрусил пепел в чашечку. – В июле 1973 года Мухаммад Дауд пришел к власти в результате военного переворота. В нем принимало участие группа леворадикальных офицеров, и Афганистан был провозглашен республикой. Король Закир Шах, находившийся в то время в Италии, отрекся от престола. Официальной идеологией Дауда стали ислам, демократия, святость национальных традиций и обычаев. В экономике он начал национализацию: он симпатизировал России и начал социальные преобразования. Первая делегация, посетившая Дауда, была из России. Москва пошла навстречу, и все закрутилось по лучшему сценарию. США запротестовала и не дремала: запустила дезинформацию по каналам спецслужб, порочащую Дауда, мол, он потянулся к Ирану и США. И вот 27 апреля 1977 года грянул гром: Дауда свергли, и к власти пришли «марксисты» в американской обертке. Афганская революция! Почему я так говорю? Посмотрите. Подумать только: США подготавливает для внедрения в страну двух «марксистов», проучившихся не где-нибудь в Университете дружбы народов в Москве, а в недрах ЦРУ. Это – Тараки и Амин. Перед ними поставили задачу: сделать все, чтобы русские вторглись в Афганистан. Вспомните беседу Тараки с Косыгиным в Москве: он с пе-

ной у рта просит ввода советских войск. Косыгин явно заподозрил неладное и сказал категорично «нет», и он – единственный член правительства, который отказался подписать тот злополучный документ.

– И это все?

– Еще доказательства? – недоуменно спросил Халк. – Посмотрите на факты: Амин поступил в Колумбийский университет в 1957 году. В 1958 году туда же поступают учиться Олег Калугин, который в статье «Как мы захватили Афганистан», опубликованной 11 декабря 2009 года в американском журнале «Иностранная политика», написал о том, что приехал в Афганистан в августе 1978 года вместе с начальником первого главного управления КГБ Владимиром Крючковым. Обратите внимание: 22 сентября 1978 года, буквально через несколько дней после этого, Мухаммед Тараки объявил всех мусульманских религиозных деятелей врагами государства. Подумать только: он это сделал в исламской стране! И через месяц в октябре 1978 года народ смял красный флаг Тараки и водрузил зеленый флаг ислама – вот так началось восстание народа. А Тараки забегался: в Москве стал просить с пеной у рта о вводе войск. Косыгин ему сказал «нет», а на заседании Политбюро его поддержал Кириленко. Но борьба за втягивание России в военный конфликт продолжалась. Не сумел один, пусть попробует другой. Амин убивает Тараки, и тогда нервы Брежнева не выдержали, и мы получили то, о чем мечтали США – войну в Афганистане. Этого мало?

Петр задумался, откинувшись на спинку кресла, и долго размышлял.

– Мне некоторые факты известны из книги Александра Ляховского – «Трагедия и доблесть Афгана», – сказал Петр, – где он в деталях проанализировал эти события. «Война из нескольких очагов распространилась на весь Афганистан – она неистовствовала на дорогах, в ущельях, в пустынях, в «зеленках», на древних караванных путях, в городах и кишлаках. Она не давала ни минуты передышки и все время держала людей в напряжении...». – А у вас откуда такая информация? – спросил он, снедаемый любопытством.

– Со мной недавно по пьянке общался один высокопоставленный американский друг, – ответил Халк. – И самое главное: он поделился со мной своими переживаниями относительно американской внешней политики. Интересно?

– И что там интересного?

– В мире идет большая игра, мой друг, в которой тяжело разобраться простому смертному, – продолжил Халк. – Все дело в американской стратегии на далекую перспективу. И в этой политике России отведена доминирующая роль.

Петр издал ироничный смешок.

– Что вы говорите! А система ПРО вокруг России ни о чем не говорит? А Донбасс?

– Вы не понимаете одну существенную вещь: американцы боятся только силы, со слабыми они не считаются никогда. Если Россия с ее ресурсами и мозгами объединится с Евро-

пой, то наступит закат американского доминирования. Возникает логичный вопрос: против кого американские ракеты в Европе? Ответ прост: против Европы! Убедительно?

– Логично, но тяжело в это верится.

– Смотрите, – вкрадчиво начал Халк. – Вам трудно представить, что будет с США, если объединятся Европа с Россией. А если к ним примкнет Япония? Поэтому США боится сближения этой линейки и никогда по своей воле не снимет внешнее управление с Германии и Японии, хотя, кто знает: сейчас это американцам становится все больше невыгодным. На Востоке они любой ценой попытаются объединить две Кореи, чтобы прочно сесть там, – черные непроницаемые глаза Халка впились в лицо журналиста, изложив свое понимание вопросов геополитики. – Так что американцы сегодня не знают, что делать с Россией: любить или ненавидеть, но рано или поздно им придется перейти эту грань. А пока ситуация другая как точно подметил ваш президент: «На голову нам сели, ноги свесили, жвачку жуют».

– Это все вам рассказал американский друг?

– Да. – ответил Халк.

– Он не боится разглашать то, о чем нельзя говорить?

– Нет. Он... умер.

Минутное молчание. Петр вскинул голову.

– Неплохая информация для размышления, – сказал Петр. – Давайте вернемся к нашей главной теме. Можете дать сравнительную оценку присутствию в вашей стране За-

падного альянса и Советского Союза? Ведь, чтобы строить будущее, надо хорошо знать прошлое. Так?

– Конечно, – произнес Халк. Сигаретный дым повалил изо рта и носа. – При шурави, когда Афганистан стал центром внимания мировых стран, мы возгордились и стали воевать против тех, кто здесь строил школы, институты, дома, электростанции. Вы ушли – прошло тридцать лет, но ваши дела здесь продолжают жить: политехнический институт, например, до сих готовит классных специалистов, кабульская электростанция, – он поднял взгляд на лампочку под потолком, – до сих пор снабжает Кабул током. И вы знаете, что в народе говорят: коммунисты – молодцы, капиталисты – подлецы, – он улыбнулся, обнажив зубы.

– Между прочим, сейчас у нас тоже капитализм, – подчеркнул журналист. – И наша помощь тоже может оказаться капиталистической.

– Понятно, время не стоит на месте. Но человек должен оставаться человеком всегда, и богатый должен помогать бедным. Это в равной степени относится и к странам. Разве не так?

– Конечно, – журналист отвел взгляд. – К сожалению, я такие вопросы не решаю. Ну вот, еще раз, возвращаясь назад, скажите, пожалуйста, ваше личное мнение о советских солдатах сравнительно с американцами.

– О-о, сравнение не годится, – сказал генерал, – шурави ходили с автоматом на ремне, а натовцы – с ружьем наизго-

товку. Они сначала кидают ракеты, потом по одному выполняют, как... Я понимаю: новые военные технологии – надо беречь солдат. Но если сравнивать в тех условиях, то шурави – это бесстрашие и высокий дух. Когда у них в окружении кончались патроны, они делали так, – он встал и выставил грудь. – Они не боялись смерти. В них было что-то превыше смерти – дух и великодушие. Они строили дома, больницы. Затем война.

– Вы говорите о великодушии шурави. В чем она выражалась?

– У них, э-э... – офицер задумался, сведя брови к переносице. – Ну, возьмем хотя бы проверку людей при спецоперациях. Они в глаза спрашивали, кто вы – друг или враг. Если отвечали, что друг, то отпускали. Наивно, да? У них была мораль, через которую они не могли переступить. Женщин вообще не трогали. Теперь же, – он склонил голову, – натовцы могут убить и ребенка. Получилось: мы убежали от волка, а напоролись на медведя – ваша поговорка. Мы хотим, шурави, чтобы вы вернулись – и точка, – он вопросительно уставился на журналиста. Решительный взгляд черных прищуренных глаз в ожидании ответа.

– Откуда вы знаете нашу историю и столько наших поговорок?

– Я готовился к встрече с вами, всю ночь не спал, – признался Халк без гордости. – Я три года учился в Университете дружбы народов в Москве.

Журналист развел пальцы одной руки:

– Я могу сбросить информацию, а решать будут политики.

Как вы знаете, в таких вопросах нужно время.

По лицу видно, что Халку не терпится сообщить еще кое-что. – Можно, я расскажу вам еще одну историю, которая сидит у меня внутри, – он кулаком постучал себе в грудь, – для примера о высоком духе и... мужестве?

– Конечно.

Офицер подвинулся к журналисту еще ближе и выставил указательный палец – засветилось золотое кольцо на среднем пальце.

– Это случилось в майский жаркий день. Я был командиром отряда численностью сто человек. Перед нами поставили задачу: занять местность, где, по данным разведки, должна была пройти советская колонна. Мы, ничего не подозревая, шли вразвалку по знакомой тропе как подобает хозяевам... И вдруг пальнул пулемет. Шурави! Я удивился: как им удалось занять высоту и окопаться, обставив себя камнями? За день до этого мы здесь проходили как на прогулке. Я вычислил: это была небольшая группа десантников, которая заняла круговую оборону, чтобы перекрыть наше движение. Все стало понятно: они впервые опередили нас и для меня создали серьезную проблему. Мы залегли, прижавшись к земле. Я спрятался за скалой и видел, как на вершине в лучах солнца засверкали дули автоматов. Их было человек пять–шесть, не больше. Они нас продержали несколько ча-

сов, до тех пор, пока у них не кончились боеприпасы. В том бою я потерял человек двадцать. Надо было вам их видеть: они застыли, и наступила тишина. Когда кольцо вокруг них сжалось, я крикнул: «Все, шурави, ваша песня спета – готовьтесь к смерти». Наступил момент истины: они все встали в «афганках» светло-песочного цвета, в руках они держали гранаты. Я был в шоке: какое там сдаться, – генерал опустил голову. – В одно мгновение я изменился, появилось доверие, стена ненависти рухнула. Я хотел опустить оружие и пожать им руки: «Все, шурави, мы больше не воюем». И далее по тому маршруту мы сталкивались с такими малочисленными отрядами, и в итоге я добрался к назначенному месту без отряда – задание я не выполнил. Причиной всему был молодой офицер, лейтенант, который ориентировался в ситуации лучше всех. Я был готов найти его, растерзать и объявил вознаграждение за его голову. Война – это как шахматная игра. А русские хорошо играют и в шахматы, и в войну.

– Вы не договорили: что случилось с той первой горсткой десантников? – спросил Петр.

– Они подорвались и забрали с собой еще несколько моих воинов, – с грустью в голосе добавил Халк.

– А как звали того офицера, не помните?

– Помню, как его забыть, – он зашевелился и полез в карман. – Я о нем только и рассказываю моим сыновьям и внукам, – он достал из кармана удостоверение советского офицера с пятнами крови. – Вот его документы. Мои люди их

подобрали на месте столкновения. Его звали Семен. Если он жив, передайте, пожалуйста, ему эти документы и скажите, что я его жду с новой миссией из России как брата. Правда, как брата. Я хочу, чтобы он помог нам в борьбе против тех, кто сегодня топчет нашу страну, и выполнил свой интернациональный долг до конца.

– То есть вы призываете его встать на тропу войны еще раз?

– Вы меня неправильно поняли, – сказал Халк. – Мы хотим мира и созидания без оружия. Мы хотим воевать против войны. Я хочу, чтобы он стоял рядом с нами, как символ шурави, и я уверен: это поможет объединить наши народы – пуштунов, таджиков, узбеков – и возродить прежний единый Афганистан. Я не знаю, почему, но хочется смотреть в глаза человека, которого не можешь забыть. Как я могу забыть – он сам пришел к нам в логово...

– Сдаться? – взгляд Петра стал напряженным.

– Нет, что вы! – возразил генерал. – Вы знаете, в Африке есть племя, мужчины которого, выйдя на охоту, следят за прайдом львов, когда они поймают жертву. Они изобрели оружие, чтобы отобрать мясо у львов.

– Какое?

– Внезапность, – афганец с четырехугольным подбородком впился глазами в журналиста, словно он нашел человека, которому можно открыть душу и сказать то, что его давно волновало, – внезапность. Они с шумом и резко напада-

ют на львов и за какие-то секунды, пока львы не поймут, что случилось, отрезают лакомые куски мяса, кладут на плечи и спокойно уходят под растерянным взглядом облапошенных львов. Так вот, какое надо иметь мужество и хладнокровие, чтобы сделать такое с нами? Он...

Сзади скрипнула дверь, и черты лица Семена напряглись: карие глаза прищурились, высокий лоб наморщился. Он не хотел, чтобы его трогали в этот день, в это число месяца, который перевернул его жизнь с ног на голову.

– Семен Павлович, – раздался звонкий голос секретарши начальника, – вас просит шеф.

Семен даже не шелохнулся.

– Хорошо, милая, – ответил он почтительным голосом.

Дверь закрылась. Он зло ударил пальцем по клавише и выключил фильм.

Оставшийся в прошлом

Лицо шефа было озабоченным, круглые щеки местами зарумянились – в последнее время его бизнес серьезно страдал. По мнению Семена, причиной мог быть его роман на стороне, где ему приходилось тратить больше душевных сил, чем на работе. Но работники по большей части к этому относились с равнодушием: «Проблемы вождя племя не интересовали». Только Семен мог себе позволить с шефом беседу о морали и нравственности, тот терпел.

– Проходите, Семен Павлович, – вежливым тоном произнес Игорь, молодой хозяин со слабо выраженными бровями и русыми волосами, зачесанными назад. Бизнес ему достался по наследству. – Как ваш зуб, болит еще?

– Ерунда, – выпалил Семен.

– Павлович, – начал шеф и запнулся, поглаживая экран телефона указательным пальцем. – Я хотел у вас спросить... Хм... Женщины – это что за народ?

– Можно уточнить вопрос?

Игорь подтянулся в кресле, упираясь на поручни. В некоторые моменты он относился к Семену как к отцу.

– Жена меня уже не любит, но продолжает ревновать, а любовница любит, но делает вид, что ей все равно и вот уже два дня как пропала из виду...

Семена словно током пробило: он, ни о чем не думая, рез-

ко бросил взгляд на окно противоположного дома и увидел большой цветок, приросший к стеклу.

– Что-нибудь не так, Павлович? – спросил Игорь, заметив его обескураженное лицо.

– Да нет, – успокаиваясь, произнес Семен, возвращаясь на землю, по инерции продолжая думать о милашке с чашкой кофе, которая «развлекала» его несколько дней и исчезла два дня назад. – Все нормально. Я тебе в этом вопросе не советчик, Игорь Николаевич, – заговорил Семен монотонным голосом. – У меня проблемы из-за отсутствия женщин как таковых, а у тебя – от их избытка.

– Извините, Павлович, я что-то не подумал.

– Да, нет, браток, – Семен сел на стул, опустил голову и с минуту молчал, перебирая мысли. – Ты молод и относишься к золотой молодежи, и от вашего показного образа жизни общество не должно страдать.

– То есть?

– Я не судья, Игорь Николаевич. Ну, у тебя своя жизнь, у жены – своя, у детей – тоже. То есть у тебя семья есть, с одной стороны, а с другой – нету. То есть нет ячейки общества.

Игорь слушал внимательно, как будто он слышал такое в первый раз в жизни: отец с ним такую философию не обсуждал никогда.

– Ну ты даешь, Павлович, – посетовал Игорь, поглаживая челку. – Выходит, я – отброс общества.

– Я этого не говорил, – возразил Семен. – Вы especta-

бельный, богатый, умный человек. Отброс – это я: меня нету, я остался в прошлом. Я никогда ни к чему не стремился: ни к карьере, ни к деньгам – не на кого их тратить. От моего «я» остался лишь пепел: дунешь – и все улетит. Единственная цель – оставаться человеком. Никому не нужен и...

– А как же ваша авторитетная организация ветеранов с влиятельными руководителями, такими как Клинецевич, Разумов, Бочаров и кто там еще?

– Ну что вы! – остановил Игоря Семен. – Никто не может вернуть прошлое, друг мой. Поезд ушел. Честно сказать, не знаю, для чего живу, – он склонил голову, заглядывая глубоко в свою душу. – Я бываю счастлив только по ночам, когда мне снятся сны. Два дня назад мне приснился сон, что у меня есть дочь, которую я веду по необитаемому острову, причем она была одета в белое платье – запоминающийся цвет. Я смотрел сонник, хотя я не верю таким вещам, и там такая чушь для наивных... Все бы ничего, если бы не проснулся от боли в зубе, – Семен смолк, затем поднял голову. – У меня есть больная мать, которая выхаживала меня много лет после ранений. Теперь я ухаживаю за ней, это дает мне цель и терпение. С надеждой шагаю в завтрашний день, думая, что там найду утешение – но оказывается, что вчерашний день был лучше, чем сегодняшней.

Игорь встал и возвел руки кверху:

– Все, все, Павлович. Я прошу извинить меня.

– Ты спросил, я ответил, – все тем же голосом произнес

Семен. Он нервно ущипнул седые поросли усов.

Игорь отошел к окну и долго ничего не говорил.

– Да, Павлович, ты говоришь правду. Как считает твое поколение людей: жизнь дается один раз, и надо ее прожить так... – Игорь забыл продолжение.

– ...чтобы не было больно за бесцельно прожитые годы, – продолжил Павлович и встал, чтобы покинуть кабинет начальника.

Игорь опешил:

– Подожди, Павлович, – произнес Игорь, – я вас пригласил по другому случаю.

Семен оглянулся и остановился в выжидательной позе.

– Нужно съездить в командировку в Ростов – опять проблемы: пошли претензии к нашей продукции. Я могу надеяться только на вас. Ваше благородство и убедительный тон делают свое дело. Вы даже не подозреваете, какая в вас сила обаяния. Извините, что пользуюсь этим.

– Надо так надо, – произнес Семен соглашательским тоном.

Он развернулся и вышел, прикрывая за собой дверь, но дверь снова начала открываться. Семен сделал шаг назад и сказал:

– Я не ответил на твой вопрос, Игорь Николаевич. Должен сказать, что твоя жена производит впечатление. Женщины – это вежливый народ. Даже когда уходит от тебя, может сказать вслед что-нибудь запоминающееся, вроде: «Счастливо

тебе, скотина!»

Игорь рассмеялся.

– Спасибо за анекдот, Павлович. Берегите себя и вылечите ваш зуб, пока он вас не достал.

– Но если вам интересно, есть еще американское мнение о русских женщинах.

– Какое? – с лица Игоря еще не сошла улыбка.

– В России есть два вида женщин: жены для дома и семьи и женщины для любви, которых, по словам американца: «... их называют красиво «леди» или, не помню точно, «ляди», что ли».

Игорь громко хохотнул.

– Я понял намек, Павлович: я сделаю выводы.

– А хочешь анекдот про выводы?

– Нет, нет спасибо. На сегодня одного вывода хватит.

– До свидания! – с оттенком безразличия произнес Семен, закрывая дверь: – Завтра же уеду или послезавтра.

Первое знакомство

Семен вернулся к себе в кабинет и тяжело опустился в кресло. Голова, набитая мыслями, требовала вдоха никотина. Он курил одну или две сигареты в день. По таким случаям у него была про запас пачка сигарет, откуда он отточенными движениями двух пальцев выхватывал одну сигарету, вставлял в зубы и спичками прикуривал, причем эта процедура проходила под пристальным вниманием мозга, который начинал расслабляться, даже еще не вдохнув табачного дыма в легкие.

Он приоткрыл окно и выдохнул первый клуб дыма, равнодушно глядя на большое окно противоположного здания, где размылся образ чужой женщины-призрака, и он вновь зажил своим прошлым.

Семен сидел в зале ожидания Киевского железнодорожного вокзала в форме курсанта военного училища. Он читал газету «Комсомольская правда», где был размещен репортаж с БАМа – стройки века, когда мимо его скамейки прошла молодая девушка, цокая каблуками и села на краешек скамейки рядом с ним. Он повернулся и увидел молодую блондинку в ветровке и потертых на коленках джинсовых брюках. Красивая, как модель. Семен свернул газету и поднял взгляд на табло – оставалось еще двадцать минут до отправки поезда Киев – Москва. Ему стало, интересно, на

какой поезд она собирается сесть. Прошла минута. Семена так и подмывало, поболтать с ней и познакомиться. Молчание томило его. Он посмотрел по сторонам, перевел дух и повернулся к ней.

– Извините, я могу назвать ваше имя! – спросил Семен голосом, в котором доминировали саркастические нотки.

Девушка повернулась к нему – серо-дымчатые глаза заулыбались, и она расслабилась.

– Что вы говорите!

– Я на полном серьезе. Я даже могу сказать, где вы учитесь.

Девушка хмыкнула и, смутившись, отвела взгляд.

– Вы учитесь в пединституте и профессионально занимаетесь спортом.

– Я испугалась, что вы экстрасенс, – съязвила незнакомка, – а вы, оказывается, простой курсант военного училища. Неправильно ни то, ни другое – я учусь в мединституте, а занимаюсь балетом.

– Выходит, одно я отгадал – на счет спорта.

– Нет. Спорт – это спорт, а балет это – искусство.

– Очень убедительно, – сказал Семен с удовлетворением от того, что сумел преодолеть психологический барьер, чтобы поболтать с незнакомой девушкой. – Должен сказать, что тренер у вас по балету – классный учитель.

– Почему? – она прищурила глаза и склонила голову набок, ее естественного цвета светлые волосы веером обрам-

ляли овальное лицо. У нее нет необходимости красить их, чтобы выглядеть лучше – полная гармония.

– Да потому что у вас движения, как у Майи Плисецкой.

– Неужели?! – ей это понравилось, и она стала ярче улыбаться. – Вы любите балет?

– Да, конечно. Кто не любит парящихся в воздухе женщин, которые могут передавать чувства изгибами тела?

Незнакомка громко рассмеялась.

– Без музыки тело молчит, – вставила девушка, посерьезнев.

– Это не касается тех, кто разбирается в музыке.

– Хотите сказать, что вы еще музыкант? – спросила она, поглаживая прическу слабым касанием руки. Голову она наклонила набок, и их взгляды встретились на новой волне взаимного расположения.

– Я неплохо играю на гитаре, – Семен перевел решительный взгляд на далеко сидящего от них худощавого парня, у которого на вещмешке перед ним лежала гитара. – Могу доказать.

– Нет, нет, не надо. Я верю, – быстро среагировала девушка, чтобы не попасть в неудобную ситуацию.

«Переборщил, – подумал Семен. – Не надо было повышать тон и демонстрировать мальчишескую решительность».

– Извините, я пошутил, – произнес Семен, выравнивая волну диалога. Чуть не то – и разговор может оборваться в

любую секунду, и прощай, любовь, которая еще не зажглась.

– Да нет, ничего, – произнесла она, – неплохое сочетание: танкист-гитарист.

– Что поделать, иногда мы выбираем вещи, которые не сочетаются, и в этом виновата судьба. Вы не изучали «Судьбу человека» Шолохова?

– В школе, – сказала девушка. – Я любила Есенина, да и сейчас тоже, – ответила она романтическим голосом.

«Глаза большие и выразительные – признак глубокой эмоциональности, – подумал Семен. – Как нас учили на военной психологии: такие люди, влюбившись один раз, сохраняют преданность до конца жизни».

– Хотите я прочитаю?

– Конечно, хочу, – ответил Семен, все больше обретая уверенность в том, что сможет покорить ее. Он хотел владеть ее мыслями, задеть струнку ее души, чтобы она смогла бы почувствовать истинное наслаждение от общения с незнакомым человеком. – Я слушаю вас.

И вдруг Семен стал свидетелем мягкого, нежного всепоглощающего голоса, растворяющегося в вокзальной суете:

*Старушка милая,
Живи, как ты живешь.
Я нежно чувствую
Твою любовь и память.
Но только ты
Ни капли не поймешь —*

Чем я живу

И чем я в мире занят.

– Неплохо, – с восторгом произнес Семен. – Такое звучание! Знал бы Есенин, кто восхищается им! – пауза, – Значит, вы едете на каникулы домой к своей старушке?

– Точно. Я из Макеевки, – подтвердила она. – Это не все, – она, увлеченная стихотворением, продолжила вполголоса:

Но время будет, Милая, родная!

Она придет, желанная пора!

Недаром мы

Присели у орудий:

Тот сел у пушки, Этот – у пера.

Семена тронули последние слова. Он жадно смотрел в ее глаза – бездонные озерки, где ему вдруг захотелось утонуть. Улыбка озарила его лицо и он усмехнулся.

– Здорово. Это как будто про... – он запнулся и опомнился: чуть не сказал: «про нас». – Я тоже его люблю, но больше – Маяковского. Можно, я тоже зачитаю?

– Попробуйте! – подбодрила девушка.

Семен с секунду включал свою память, затем приглушенным голосом зачитал:

Мир

опять

*цветами оброс, у мира
весенний вид.*

*И вновь встает
нерешенный вопрос —
о женищинах
и о любви.*

Девушка зааплодировала:

– Просто великолепно! Я не думала, что он писал про любовь.

– Я уверен, что вы его знаете только по стихотворению про паспорт:

*Я
достаю
из широких штанин
дубликатом
бесценного груза.
Читайте, завидуйте,
я —
гражданин
Советского Союза.*

– Это правда. Мы это изучали в школе, – согласно кивнула незнакомка.

– Я сейчас только что читал статью про БАМ – гордость пробирает, – Семен глянул на девушку, мысленно копаясь в понятии: «любовь с первого взгляда». – Я бы хотел туда, в

тайгу, за туманом и забрать вас с собой. Вы не возражаете?

– Смелое решение, – произнесла девушка и стала стирать с лица вежливость, граничащую с наивностью. Она испугалась, что чрезмерная открытость вызовет плохую оценку о характере. Она стерла с лица улыбку. Семен поторопился, пока теплилась надежда, и, набравшись смелости, потянул ей руку:

– Меня зовут Семен. Курсант танкового училища.

Она засмеялась вновь и замешкалась, глядя на протянутую руку незнакомца – жилистое запястье с длинными пальцами.

– Я же правильно отгадала, что вы танкист, – она отпустила сумку и протянула руку Семену. – Меня зовут Светлана Резниченко.

Семен прикоснулся к ее теплой, нежной руке, и это залегло в его память на всю оставшуюся жизнь: белозубая улыбка и притягивающие глаза с длинными ресницами.

– А почему вы подчеркнули свою фамилию? – спросил очарованный Семен.

– Чтобы подчеркнуть, что я... Что я – хохлушка, – Света засмеялась.

Через пятнадцать минут они встали и вместе зашагали на посадку в один и тот же поезд, держа между собой приличную дистанцию. Со стороны могло показаться, что они связаны друг с другом много лет.

Брежнев: последняя капля

Кортеж Брежнева выехал из Завидово по обычному маршруту в направлении Кремля. Он, занятый своими мыслями, на заднем откидном сиденье прислушивался к рокоту скользящих шин тяжелого «ЗИЛа», напоминающему треск тысяч лопающих мелких пузырьков. Сегодня он проснулся раньше, чем донесся шум шторок, которые раздвигал Медведев – его охранник – с особым усердием, чтобы разбудить его.

Впереди – охрана, следящая за дорогой: гололедом, упавшими деревьями, другими дорожными сюрпризами, сзади – машины с выездной охраной.

Продолжая думать о работе, Брежнев подсознательно осматривался по сторонам, где мелькали деревья, обдуваемые зимней изморозью; он всматривался в лица зыркающих в их сторону людей с размытыми в дымке чертами и думал, что и он один из них, частичка советского народа. Столько ответственности за каждого из них: сыты ли, одеты ли, есть ли тепло в их домах? Он должен гарантировать им мирное небо: разрядка с одной стороны и программа «Энергия-Буран» с другой.

За многие годы работы он научился интуитивно чувствовать время и политическую ситуацию. Сейчас с самого утра его голова была забита думами о стройке века – БАМе, но

ничто не волновало так глубоко, как Афганистан. Бескорыстная помощь на протяжении трех лет тихо шаг за шагом оборачивалась настоящей бедой. Он дышал тяжело – пилюли, которыми его пичкал Чазов, не помогали, зато тихо толкали в могилу. А челюсть? Он несколько раз хотел избавиться от этого врача, зная, что он все больше становился орудием в руках Андропова, но не хватало решительности: слишком много он знал о работе Политбюро и принимал активное участие в интригах в борьбе за власть. Чего стоит его кляузы на Подгорного!

Въезжая на Красную площадь, он каждый раз старался поймать величественный марш часовых поста номер один на Мавзолее Ленина – символа современности.

Каждый раз, въезжая в Боровицкие ворота, он вспоминал тот трагический случай, когда террорист высадил обоймы двух пистолетов Макарова в машину, где сидели космонавты. Целью убийцы был генсек. Брежнев был убежден, что злоумышленник не мог в одиночку облапошить охрану и в упор расстрелять бронированную машину. Результат следствия – ноль. И это при всевидящем КГБ. «Одному богу известно, что меня толкнуло въехать в другие ворота, – думал Брежнев. – Шестое чувство?»

Между тем машина подъехала ко второму подъезду первого корпуса Кремля.

В десять утра он проходил по коридору мимо кабинетов работников Международного отдела ЦК, в середине коридо-

ра одна дверь была приоткрыта, и оттуда доносились разговоры на высоких тонах. Брежнев толкнул дверь и просунул голову:

– Здравствуйте, что случилось?

Все пятеро поздоровались и замолкли, как будто воды в рот набрали. Он зашагал дальше и, пошатываясь, втиснулся в двухстворчатые двери своего кабинета, где царило обычное убранство и пахло свежестью. Он сделал движение рукой, что означало «открыть окно» – ему в закрытом помещении не хватало воздуха. Еще за несколько шагов Брежнев заметил на глянцевом столе папку «КГБ». Он погрузился в кресло, придвинул папку, раскрыл ее, зачитал и онемел.

Он развернулся, чувствуя тяжесть всего тела, и нажал на белую квадратную кнопку председателя КГБ – щелчок.

– Зайди ко мне! – ни «привет», ни «до свидания» – резко, проигнорировав элементарную вежливость, выпалил генсек.

Высокая, статная фигура Юрия Владимировича, сделав несколько шагов внутрь, остановилась. Черное обрамление верха очков шло параллельно под черной линией бровей. Он редко видел такую ярость на лице генсека и вздрогнул: иногда он мог предпринять личные меры, не соответствующие расчетам.

– Что это, Юра? – Брежнев оттолкнул от себя документ. – Объясни!

Андропов молчал, продолжая думать и подбирая слова, чтобы найти случившемуся правдоподобное объяснение.

– Леонид Ильич, – начал он – в отличие от других членов Политбюро, он никогда не переходил на «ты». В отличие от других, он был скрытен. Его всевидящие глаза и всеслышающие уши наводили страх на людей: его боялся Громыко, он умело манипулировал Устиновым. – Леонид Ильич, вчера Амин задушил Тараки подушкой.

– Нет, ты мне скажи, почему это случилось? Ты куда смотрел?

– Ну, я... – Андропов осекся.

– Тараки сидел вот здесь, – не дал Андропову договорить Брежнев и, повысив голос, продолжил: – и я, генеральный секретарь, обещал ему личную безопасность. А ты сидел и кивал головой. Что случилось? Кто теперь, зная, что Брежнев не сдержал свое слово, будет считаться со мной? – он потянулся к стакану воды и обратил внимание на белую таблетку, которую рекомендовал ему Чазов в моменты надвигающегося стресса.

– Амин оказался агентом ЦРУ, – виновато проговорил Андропов. – Мы сомневались какое-то время, но теперь это уже точно. Нужно его убрать и ввести войска.

Брежнев выпил таблетку и с треском вернул пустой стакан на стол.

– Юра, ты с ума сошел? Какие войска? Ты хочешь окончательно подорвать разрядку? Ты хочешь настроить все мировое сообщество против СССР? А арабский мир? И что твои войска будут делать там – воевать против афганского наро-

да, который, напротив, нуждается в помощи? Я давно от тебя не слышу ничего хорошего, и у меня накапливается к тебе много вопросов, Юра. Это была последняя капля, ты не оставляешь мне выбора.

Андропов машинально глаза перевел на чемоданчик, который все время держал при себе Брежнев, – это единственная вещь в огромной стране, куда ему был закрыт доступ. Брежнев признавался своему помощнику о том, что сожалеет, что вывел КГБ из подчинения Совета министров. «Это было плохим сигналом того, что он доверяет мне все меньше и меньше», – думал Андропов. Он все больше удивлялся, как генсек, несмотря на болезнь, сохранял здравомыслие и логическое мышление и как он, выходец из простой рабочей семьи, стал человеком, который вершил судьбы стран и народов.

Заседание Политбюо

В длинном зале заседаний Политбюро – полная тишина. У всех нервы на пределе, потому что каждый понимает и отдает себе отчет в том, что будет решаться вопрос мира и войны с далеко идущими последствиями. Председательствующий Брежнев больше молчит и успокаивает нервы тем, что вертит очки в руках. В другом случае он бы уже выдал какой-нибудь анекдот или рассказ, чтобы стереть с лиц коллег старческую отрешенность.

– Все пришли? – спросил Брежнев, глядя на Черненко, которого избрали секретарем заседания.

– Нет Косыгина, – ответил Черненко.

Брежнев задумался. Он знал, что Косыгин категорически против этой затеи. Как он сказал Тараки? **«Хочу еще раз подчеркнуть, что вопрос о вводе войск рассматривался нами со всех сторон, мы тщательно изучали все аспекты этой акции и пришли к выводу о том, что если ввести наши войска, то обстановка в вашей стране не только не улучшится, а наоборот, осложнится»**. Это мнение человека, без которого не могло быть такого ускорения в экономике. Сегодня Союз занимает первое место в Европе по объемам промышленности. Если сравнивать темпы роста с США, то цифры поражают: за десяток лет опережение составляет почти сорок процентов, а в социальном пла-

не доходы людей выросли в полтора раза, двенадцать миллионов человек получили бесплатное жилье с квартплатой не более трех процентов от семейного бюджета. Успехи в медицине, науке и образовании беспрецедентны. А если продолжить в таком же темпе, то лидерство страны в мире через три–четыре года гарантировано.

– Косыгин заболел и отпросился, – заявил Брежнев, – слово предоставляю Андропову.

– Я тоже вначале был против отправки войск, – начал председатель КГБ Андропов, – но мы не можем игнорировать опасности, которые нас могут ожидать, если не предпримем решительные меры. По данным агентуры, США вынашивает планы по размещению в Афганистане ракет типа «Першинг», что, без сомнения, поставит под угрозу многие жизненно важные объекты в Средней Азии, включая космодром Байконур – там у нас нет надежного ПВО, – он бросил взгляд на Устинова, тот одобрительно кивнул. – По данным нашего резидента в Анкаре Запад предпринимает усилия по созданию новой Османской империи с включением туда наших республик Средней Азии...

– Есть заключение наших ведомств по оценке ситуации в Афганистане? – спросил Брежнев.

– Есть, Леонид Ильич.

– А почему здесь только одна подпись представителя КГБ? Почему нет подписи представителей МВД и МИДа, как мы договаривались?

– Потому что, Леонид Ильич, представитель МВД генерал Папутин не вник в суть дела и отказался подписать...

Генсек удивился.

– Замешан в неблаговидных делах и пьянстве, – продолжил Андропов.

Многие переглянулись – их по-настоящему беспокоили интриги и череда смертей в высших эшелонах власти.

Устинов:

– Введем туда танковые подразделения – и афганская оппозиция сразу сложит оружие...

«Эх, Дмитрий Федорович, ты – трудоголик, хозяйственник, подумал генсек, – наводнил всю Европу танками, и американцы до сих пор не могут оправиться от шока. Да, твое дело – танки, ракеты, а политика и военное дело – не твое. Прислушивался бы ты к словам своего начальника Генштаба Огаркова, Ахромеева...»

Сулов:

– ...раз мы подписали договор о дружбе и сотрудничестве, мы вправе удовлетворить просьбу руководства Афганистана о вводе войск. Я думаю, мы достигнем там мира и стабильности. Таким образом мы сделаем идеалы социализма близкими и понятными для просвещения афганского народа. Конечно, в таких вопросах нужно опираться на классиков...

– Конечно, Михаил Андреевич, – иронизируя, вставил Брежнев, – вам же хорошо известно, что писал Энгельс: «Афганцы – это храбрый, энергичный и свободолюбивый на-

род. Война для них является развлечением и отдыхом», – Брежнев сделал эффектную паузу, продемонстрировав коллегам знание классиков. – А Ленин, хорошо знавший Энгельса, ровно шестьдесят лет назад, чтобы просветить афганский народ, послал туда не многотысячную армию, а одного хорошо известного матроса по имени Федор Раскольников. Он вместе со путницей жизни Ларисой Райснер, которая являла собой прекрасное олицетворение эмансипации, как посланники Советской России явились главными аргументами в борьбе за права женщин и права человека в Афганистане.

Суслов, высунув голову с растрепанными на лбу седыми волосами, с большим интересом продолжал слушать Брежнева.

– Не смотри на меня так, Михаил Андреевич, и не думай, что я такой начитанный.

На лицах членов Политбюро появились улыбки.

– Это мне мой помощник Андрей Агентов вчера рассказал. Мнение, конечно, заслуживает внимания. А Ганди применительно к войне и миру сказал: «Нет пути к миру, путь и есть мир». Теперь думайте, какой путь мы выбираем.

Начальник штаба маршал Огарков, талантливый военачальник, который придумал оригинальную систему управления войсками от рядового до генерала, два часа просидевший в приемной генсека в волнующем ожидании приглашения, встал, когда члены Политбюро стали выходить из зала. Он стал всматриваться в их лица, чтобы определить итог за-

седания, который сильно его беспокоил. Вот и сам довольный Устинов с плечом к плечу с Андроповым. «Все пошло к чертям», – успел подумать Огарков, прежде чем Устинов произнес:

– Все, Николай Васильевич, решение принято, поехали в Генштаб отдавать команды.

Огарков оцепенел.

– Нельзя этого делать, Дмитрий Федорович, – выпалил Огарков. – Нельзя. Это ошибка – война без фронта...

– Вы что, собираетесь учить Политбюро? – нахмурившись, хамски отреагировал Устинов. – Поехали!

Вся предварительная работа была сделана за спиной генсека: его ближайшее окружение считало, что он уже не способен трезво оценивать ситуацию. В результате обсуждения проект ввода войск в Афганистан был принят единогласно. Брежнев ничего не смог сделать – он не голосовал, но подпись поставил позже. Закрывая заседание, он с горечью произнес:

– У нас был Союз ветеранов Великой Отечественной войны, теперь появится еще один – Союз ветеранов афганской войны.

Брежнев: уныние

Брежнев сидел в кресле перед камином в полном одиночестве, где трещала, горели поленья. Он отрешенно глядел на языки пламени, игравшиеся над кучкой догорающих дров.

– Здравствуйте, Леонид Ильич, – поздоровался помощник Александр – Агентов.

– Здравствуй, Андрей, – ответил шеф, сохраняя неподвижность. – Присядь!

Генсек упорно молчал в гнетущем унынии. После заседания Политбюро он ушел в себя и тяжело переживал.

Андрей сидел в ожидании начала беседы. «Я для него не существую, – думал он про себя, – только мой мозг и язык, чтобы думать за него и говорить». Руки Брежнева с сохнувшей кожей покоились на подлокотнике кресла. Они в разные времена пахли по-разному: сигаретным дымом, порохом, водкой. Но сегодня они кажутся безжизненными – он уже не курит, редко выходит на охоту и водку не пьет. «Времени подвластны все, даже генеральные секретари», – продолжал думать Андрей.

– Да, Андрей, я уже стар и ни на что не гожусь, – зарокотал рваный амплитудный баритон Брежнева. – Тебе, наверное, со стороны это виднее, – он повернул голову.

«Он читает мои мысли», – подумал Андрей.

– Ты знаешь, что такое демократия?

Андрей, не ожидавший от генсека экскурсии в философию, сосредоточился.

– Это когда один за всех и каждый за себя, – продолжил Леонид Ильич рассуждать. – Правильно? Это у капиталистов, Андрей. Когда я был в Америке, я был в доме у Никсона, пили водку и болтали. Я ему сказал, что у нас другой принцип: один за всех и все за одного. Это коллективизм – так легче советскому человеку созидать и радоваться общим победам... Он понимал и уважал наши принципы – за это потом поплатился. У него большой дом. Когда я рассказывал об этом Вике, она рас-переживалась: где мы будем жить, когда ты уйдешь с работы, у нас то и дома нет. Я ей сказал, что с голоду не помрем. Ты меня понимаешь, Андрей? Я правильно сказал?

– Наверное, – согласился Андрей, продолжая думать о нем: «Гений общения. Никсон восхищался им и был буквально тронут его обаянием. Американская актриса после его поцелуя стала звездой в Америке. На встрече в Вене с Картером я его с тактом предупредил, что целовать этого президента не надо. Картер, хорошо знавший о старом русском обычае, наверное, с трепетом ждал этого момента, и когда увидел, что у генсека нет никакого желания выполнить этот обряд, то сам потянулся и напросился на поцелуй. Все аплодировали. Простая человеческая доброта была его силой, которая обезоруживала и заманивала политических противников в ловушку, и тогда вступало в действие его по-

литическое чутье и хитрость, как метод дипломатии. Так он протащил газопровод «Дружба» в Западную Европу – американцы не успели глазом моргнуть. Так он заключил Хельсинское соглашение о мире и безопасности в Европе. Так он начал и продолжал борьбу за разрядку международной напряженности. Сегодня по мере того, как он старел, многие его политические проекты стали пробуксовывать, и это даже начало сказываться на экономике страны».

– Политика делает и мир, и войны, – тихо проговорил Брежнев, – а политику делают люди по своим интересам. Попробуй пойми, у кого какие интересы! С заседания Политбюро я вынес мрачные мысли, Андрей: такое ощущение, как будто Устинову не терпится поиграть в войну; «отец дипломатии» Громыко устал от дипломатии – ему все равно; а Андропов вел себя странно и что-то замышляет. И никто не думал о судьбе советских солдат, которых они решили бросить в огонь войны. Я хорошо знаю, что такое война. Война выхолащивает в человеке его суть, меняет его. Начало окажется прогулкой на ветру, потом, когда прольется первая кровь, кое-кто возьмется за голову. Ты можешь себе представить? Лучше плохой мир, чем хорошая война. Кто это сказал, тот прав. Андрей, ты почему молчишь?

– Я вас слушаю, Леонид Ильич.

– К власти рвутся, – продолжал Брежнев мыслить вслух, – от власти пьянеют, потом, когда от нее устают и не знают, что с ней делать, наступает кризис. Тупик – это плохо. У нас

научились идти к власти, но не умеют уходить, как это делают в Англии, например. Только тогда у нас будет стабильность. Как думаешь, Андрей, что будет со страной, если к власти придет какой-нибудь безмозглый демагог? – сам же ответил: – Он же развалит страну. В Политбюро есть силы, которые хотят разделить людей по национальному признаку, – он замолк, через минуту зашевелился и подтянулся в кресле, поворачиваясь к помощнику: – Я тебе не рассказывал один курьезный случай на войне?

– Какой?

– Когда мы небольшим отрядом десантировались на берег в районе Новороссийска, нам удалось сходу взять одну стратегическую высоту. Но из-за опоздания основных сил к вечеру дня нам пришлось ее оставить. Всю ночь не спали: думали, как ее вернуть. Утром следующего дня ни свет, ни заря слышу, как на высоте застрочил автомат Шпагина. Там, откуда ни возьмись, в бой ввязался наш солдат-одиночка. Чтобы поддержать его, мы стихийно бросились к высоте. Оказалось, это был Кузьмич, старый солдат с пышными буденновскими усами с Урала. Я спросил: «В чем дело, Кузьмич?» Он смутился: «Не накажете, товарищ комиссар, за самоволку?» – «Конечно, нет, – я ответил. – Наоборот, представлю к награде». «Когда отходили, я там, в блиндаже, забыл пачку сигарет, – начал Кузьмич рассказывать, – и как подумал, что немцы закурят, нервы не выдержали, и пополз туда под покровом ночи. Я их нашел и смачно закурил и даже одного

фрица угостил, – он уже начал брехать, я подумал. – Потом думаю: давай-ка, я останусь, а то утром повторно придется приползать сюда. Я занял удобную позицию и с рассветом я пальнул по ночлегу». Кругом все засмеялись, покуривая оставшиеся запасы Кузьмича. Вот такой случай был, – Брежнев смолк, и расслабившиеся в улыбке черты лица стали сгущаться. – Андрей, покурить бы одну сигарету.

– Вам нельзя курить, Леонид Ильич, – произнес Андрей, по достоинству оценив хитрый дипломатичный подход шефа перед просьбой.

– Все-таки этот Чазов не соответствует званию академика, – сказал генсек досадливым голосом. – Никакого толка от его методов лечения не вижу. Был единственный «друг» для приглушения нервов, и то запретил. Есть, наверное, какая польза от никотина, раз мозг просит. Да ладно, – он сосредоточился, – Андрей, меня мучает еще один вопрос. Скажи, тебе не кажется странным, что американцы, видя перемещение наших войск на Юге, молчат?

– Может, маскировка войск хорошая, – предположил помощник генсека.

– Нет, – отрешенно произнес Брежнев, поворачиваясь к огню. – Они могут из космоса номера машины разглядеть. Если это будет американским капканом, то мы крупно попали: мы потеряем разрядку и доверие по всему миру. А это заведомо поражение, Андрей. Победить в войне без фронта невозможно, как сказал Огарков. Жалко, что я не могу ни-

чего сделать против решения большинства. Как в Америке с вьетнамским, так и у нас появится поколение людей с афганским синдромом с поломанной жизнью и судьбами.

Направление в Афганистан

Сегодня, после получения дипломов об окончании училища Семен вместе с несколькими сокурсниками во второй раз оказался в кабинете начальника училища, а первый раз он был здесь год назад, когда женился и получал ключи от семейного общежития.

Старый полковник долго молчал – видно, ему было тяжело об этом говорить. Его глаза были почти сомкнуты, изучая документ, который лежал перед ним на широком столе.

– Вы сегодня получаете дипломы и подъемные, и я вас отпускаю на полную свободу на один месяц – отдыхайте и наслаждайтесь жизнью, – по тону было понятно, что он не доготавливает что-то главное, – но через месяц вас ожидает спецподготовка в Москве, – он встал из-за стола, его лампы за сверкали. – Вы мои лучшие выпускники, и я вас посылаю, – он запнулся, дойдя до дверей и затягивая с разворотом, затем сунул руку в карман, достал носовой платок и слегка шмыгнул носом – что стесняться: все они годились ему в сыновья, – он развернулся, его старческая фигура неплохо вписывалась в угол кабинета на фоне алого Знамени части и портрета Суворова. – В наше мирное время, когда нет никакой угрозы Родине, я вас посылаю в Афганистан, на войну.

Это произвело эффект молнии и грома – никто и подумать не мог о таком распределении. Наступившая тишина

стала враждебной. Полковник специально тянул, чтобы курсантов отпустило после шока.

– У меня только одно пожелание, сыны мои, – скорбно произнес он, – чтобы вы все вернулись живыми и здоровыми. В добрый путь и прошу простить меня, если что-то было не так за пять лет вашей учебы.

На выпускном вечере у Семена на душе скребли кошки: он всеми силами старался не выпустить наружу то, что мучило его внутри. Легкий хмель от шампанского помогал ему завесой от мысли о тяжелом и неизбежном расставании с любимой. «Я при ней никогда не произнесу слово «война»», – решил он для себя.

Они вернулись домой и зашли в комнату, включили свет. Простой студенческий быт: диван-кровать, торшер, письменный стол, одним словом, уголок жизни. Света была довольна вечеринкой, она сегодня много шутила, смеялась и выглядела самой красивой в платье, которое он купил ей накануне.

Она плюхнулась на диван.

– Здорово! Что еще надо в жизни! – она повернулась к Семену и тут же похолодела, увидев на его лице напряженность: – Что с тобой, дорогой?

– Извини, Света, я просто устал, – сказал Семен, состроив на лице поддельную улыбку. Он был уверен, что рано или поздно все вылезет наружу через глаза, движения, голос – она уже привыкла к нему, по его мимике могла определить

многое.

– У меня для тебя сюрприз, – он сунул руку за пазуху гимнастерки и достал конверт. – Догадаешься с трех раз, что здесь?

Света закрыла глаза и мечтательно в улыбке открыла рот.

– Там, там деньги, – произнесла она, протягивая руки.

– Нет. Деньги у меня в кармане, – он хлопнул рукой по карману брюк. – Там то, о чем ты мечтаешь.

Света игриво закрыла глаза.

– Там, там... Я сдаюсь, – она открыла глаза. – Что там?

– Путевка в Ялту.

– Ура! – она запрыгала и радовалась, как ребенок, подпрыгивая на диване.

Прощальное море

В Ялте они плавали, резвились, ныряли, смеялись, кричали, наконец, выдохлись и еле приползли к своим вещам и плюхнулись на горячий песок.

Отдышавшись, Света повернулась к Семену. – У меня к тебе несколько вопросов, милый.

– Валяй.

– Клянешься говорить правду и только правду?

– Клянусь, – сказал Семен в искренние глаза любимой и приложил правую руку к сердцу.

– Я жила спокойной размеренной жизнью, никого не подпуская на мою территорию, а ты... А ты ворвался в нее, как... Не знаю, с чем можно сравнить, и нарушил мое гордое и счастливое одиночество. Я перестала быть собой, полностью потеряла самостоятельность и во всем стала соизмерять мои поступки с твоими критериями. Я отчаянно сопротивлялась твоему натиску – не спала ночами, разбирала тебя на части: пальцы, глаза, привычки склонять голову набок и смотреть прищуренными глазами, твой голос, который иногда бросал меня в мелкую дрожь. После всего этого я поняла, что пришла ее величество ЛЮБОВЬ, и я обмякла, потеряла голову и сдалась. А все началось на вокзале. Вопрос: ты почему начал приставать ко мне тогда на вокзале? Только долго не думай – у меня много вопросов.

– Во-первых, я убедился в том, что существует любовь с первого взгляда. Когда ты одарила меня первой улыбкой, я понял, что это уже судьба, и твои глаза в одно мгновение разрушили плотину, где я хранил море чувств.

Запах водорослей, йода...

Света приложила указательный и большой пальцы к глазам.

– Вот они?

– Да, точно, – ответил Семен.

– Другой вопрос, – она задумалась. – Что для тебя счастье? – она лежала на спине, подставив белую мраморную кожу тела под солнце, левая нога подогнута в колене и приподнята, закрывая для Семена часть пляжа и половину моря до линии горизонта. Кожа у основания волос продолжала оставаться мокрой. Одна капелька собралась на верху колена и зигзагом побежала вниз, поблескивая в лучах солнца.

– Счастье? – переспросил Семен.

– Да.

– Это когда я захочу увидеть тебя, смогу это сделать.

– Это все?

– Ну да.

– Грустный ответ, – сказала Света, сгребая расprostертыми руками песок в кулаки и отбрасывая по сторонам. – А где же любовь?

– Вот она, – сказал Семен, дотрагиваясь кончика ее носа. Она схватила палец зубами и прижала.

– Не знаешь – так и скажи. Для меня же счастье – это когда двое смотрят в совместное будущее с верой и надеждой.

– И все? – теперь с иронией спросил Семен.

– Нет, не все, – пролепетала Света. – Это когда я все время слышу от тебя, что ты меня любишь.

– Я люблю тебя, – Семен притянулся к ней и чмокнул в губы. Света закрыла глаза так, как будто это было в первый раз, когда они встретились на первом свидании на центральной площади Киева возле фонтана.

– Еще можно?

– Что, поцелуй или слова?

– Слова.

– Я люблю тебя.

Света оттолкнулась от песка и села, повернувшись лицом к Семену. Она странно молчала. Только мгновение назад она была другая. «Что же случилось?» – переживал Семен.

– Тогда скажи мне, что происходит с тобой, я ведь могу подумать, что у тебя кто-то появился.

– Нет, не скажу.

Света напряглась.

– Почему?

– Потому что ничего не происходит, милая, – сказал Семен. Он подумал, что надо быть артистом или пофигистом, чтобы суметь скрыть то, что кипит у него на душе, подрывая в глубине веру и надежду, как только что она сказала. Сейчас, пока он думал, Света впиалась глазами в его глаза, стара-

ьясь прочитать его мысли. – Что, ревность проснулась?

– Попробуй не ревнуй, когда на тебя глазают. Только не смотри: две пары глаз сверлят тебя и демонстративно хихикают, – пролепетала Света. – И... последний вопрос на засыпку. Город, – она сделала секундную паузу, – Кабул...

«Вот тебе на! – с тревогой подумал Семен. – Она все знает. Но откуда? Андрей проболтался? Вряд ли – они не виделись».

– ...столица какого государства?

Вопрос сразил Семена. Кровь моментально прихлынула к лицу, и он почувствовал, как оно опухает. Он отвел взгляд.

– Э-эй, – завибрировал ее голос. Она протянула руку и повернула к себе лицо мужа за подбородок. – Что с тобой? Ты не знаешь? – Света впиалась глазами в него, ожидая продолжения.

Семен опустил глаза. Она, как искусный дипломат или психолог, шаг за шагом вывела его на чистую воду.

– Что, могут забрать?

– Не знаю. Кто знает! Не должны, – ответил Семен не своим голосом. – Там уже достаточно людей, чтобы отстоять интернациональный долг.

– Обещаешь?

– Что?

– Сказать мне, если вдруг получится так, что вас перебросят туда.

– Да, – пауза. – И что ты собираешься делать?

– В военкомате попрошусь туда же, следом за тобой, как хвост. Ни одного дня не хочу жить без тебя.

Наступила тягостная пауза. Семен, чтобы скрыть свои глаза, подвинулся к ней и положил свою голову ей на грудь лицом вверх к небу, где две чайки в полной свободе догоняли друг друга и облака лениво плыли на юг по синему небу, рисуя замысловатые фигуры.

– Я люблю тебя, – ласково произнесла Света от всего сердца, нежно обхватывая его шею тонкими и все еще влажными руками. – А счастье для меня, – продолжила она тихо, – это когда я смогу обнять тебя вот так, когда захочу.

Продолжая слушать отголоски голоса жены, на небе поймал момент, когда облака нарисовали птицу. Он знал, что это к расставанию. Но Семен не знал и думать даже не мог, что это навсегда.

В тот прощальный день Света с утра была в странном настроении: ее поддельная улыбка напоказ была смешана с безысходным ожиданием конца света. Как только они приехали на вокзал, она попросила его пройти в тот зал, где они впервые увиделись. Она, попросив двух мальчиков освободить ту скамейку, посадила его туда, грустно сказав:

– Здесь началась моя любовь, Семен, – она положила руку на скамейку. – Если тебя долго не будет, я буду приходить сюда, чтобы общаться с тобой, любимый.

Семен сел на поезд, она осталась на перроне. Поезд тронулся, и она бежала вслед за ним, махая рукой. Семен все

время рисовал себе эту картину, где он хотел вернуться к ней обратно, чтобы взять ее теплую руку в свою и больше не опускать ее никогда.

Часть 2

Настоящий врач

На следующий день, незадолго до командировки в Ростов у Семена разболелась половина зубов с одной стороны, пришлось обратиться в центральную зубную клинику. Врач, осмотрев его и недолго думая, первым делом послал на рентген. Спустя некоторое время, когда он вручил доктору рентгеновскую пленку, он – Семен глазом не успел моргнуть – швырнул ее в урну, сказав при этом, что пленка некачественная. Ему стало жалко – не пленку, а деньги, которые он за нее заплатил. Несмотря на казус с пленкой, доктор его усадил на «сверильное» кресло. Он, постукивая обратной стороной рабочего инструмента, начал поиски больного зуба. Как ни странно, ни один зуб не подавал признаков болезни. Озадаченный врач, помотав головой и посоветовавшись с Семеном, взялся за один из запломбированных зубов. Он его лечил в течение трех дней, причем каждый визит ему стоил денег. Вот так врач отделался от него, но он, к сожалению, не отделался от боли.

Командировка не ждала, и Семену пришлось уехать в Ростов, где боль усилилась. В девять вечера он пустился искать какого-нибудь зубника. Он его нашел на первом этаже мно-

гоэтажного дома в небольшом кабинете, что было частью его квартиры. Доктором оказался худощавый мужчина пятидесяти лет на вид в далеко не белом халате с седыми волосами и в очках. Семену этот врач не понравился: он стал искать больной зуб тем же методом – постукиванием. Увы! Он ничего не нашел.

– Хотите, я попробую этот зуб со старой пломбой, – спросил доктор Семена в нерешительности. – Иногда под старые пломбы попадает инфекция, и она провоцирует боль.

Семен кивнул в знак согласия – что ему оставалось делать? Доктор поправил свою марлевую повязку, взял в руки сверло, на глаза накиннул вторые очки, включил музыку – непонятно, для кого: для себя или для пациента – и вперед. Он вскрыл канал иглой, поковырялся в живом нерве и обратно смело зацементировал.

– Знаете, – начал он объяснять больному, прощаясь до завтрашнего дня, – у вас здесь здоровые нервы и я не стал их трогать.

«Врет нагло», – был уверен Семен.

– Я тут чуть почистил и, если боль не пройдет, то завтра я вас приму. Но надо будет сделать рентген.

Семен заплатил, сказал ему спасибо и ушел, еще не подозревая, какая его ожидает ночь. Почти двое суток он сидел на обезболивающих лекарствах – пенталгине и кетороле. После их приема у него сердце начинало стучать так, что его бой отдавался по всему телу – Семен не ел, не спал. На следую-

ший день он сделал два качественных снимка на современном оборудовании, однако ни врач, ни рентгенолог не могли определить, какой зуб дает боль. Этот «Айболит» у него три дня лечил три зуба, причем один зуб – дважды. И когда Семен в последний раз сползал с его кресла, спросил:

– Доктор, что будем делать, если и на этот раз боль не прекратится?

Доктор пожал плечами:

– Не знаю, что делать, – без гордости он признался. – Будем удалять по одному зубу в день, пока...

Семен перестал его слышать. Слова медика прозвучали как приговор о безысходности его положения. Семен подумал, что такому человеку нельзя доверять даже чинить сапоги, и ушел, не попрощавшись. У него на больной стороне оставался один нетронутый зуб со старой пломбой – его последняя надежда.

Вот так он вернулся в родной город и на следующий день собирался найти какую-нибудь крутую клинику. Но боль оказалась сильнее него, и ему пришлось ограничиться поисками в округе поближе к дому. Его путь пролегал между пятиэтажками в частную клинику.

В воздухе кружились мелкие снежинки, которые лениво падали на влажную землю и тут же растворялись в грязи – понятно, почему они не хотели приземляться. Пожилая женщина с граблями в руке ковырялась в палисаднике перед окнами возле дома. Семен не понял, что на нее нашло: снег,

грабли... Когда он подошел к подъезду, молодая симпатичная женщина с сумками в руках чистила обувь, прежде чем войти в дом. Он подумал, что и она направляется к зубнику, и промчался мимо нее – его не интересовало состояние своей обуви. Остановившись на первом этаже перед дверью с вывеской, он стал стучать. Дверь была заперта – он расстроился. Женщина вошла и поравнялась с ним. Он ее спросил:

– Вы не знаете, врач будет работать?

Женщина перевела дух и как-то странно посмотрела на Семена, будто пытаясь разобраться в его чертах.

– Я – врач, – с улыбкой ответила она. – Я намерена работать, но, – она сделала паузу, доставая ключи, – я принимаю по записи. За неделю, – добавила она.

На секунду Семен потерял дар речи.

– У меня болит зуб, – медленно отчеканил он каждое слово, изобразив поддельную улыбку на больном лице. – Два рентгенолога и два врача не смогли мне помочь.

Она стала открывать двери, перекинув сумки в одну руку.

– Может, я вам помогу, – любезно предложил он услугу.

– Нет, спасибо, – ответила она, открывая дверь.

Она посмотрела на него еще раз, и с ним что-то произошло. Семен за секунду успел заметить и оценить ее привлекательную внешность: такие же карие глаза, как у его матери, такой же лоб и овал лица. Простое совпадение? Она элегантно движением вытянула руку и глянула на часы, затем с добродушием посмотрела на Семена, наверное, чтобы убе-

диться врет он или нет.

– Успеем! – уверенно произнесла она. – Заходите!

Семен вздохнул с облегчением и шагнул в светлое помещение, наполненное свежестью. Он сел в кресло, открыл рот и, приложив палец к подозрительному зубу, стал ждать эксперимента, пока она переодевалась и включала оборудование. Но не тут-то было! На Семена смотрела лампа с ослепительным светом и рядом с ней лицо доктора. Надо бы закрыть глаза, но Семен продолжал держать их открытыми, чтобы видеть это лицо, которое внезапно взволновало его до глубины души. Она кого-то напоминала: цвет глаз, овал лица, морщинки в уголках глаз, когда стала прищуриваться. Шприц, холодная вода, импульсы невыносимой боли – и на тебе: больной зуб – зуб мудрости.

Она за какие-то секунды нашла то, что не могли найти два других врача и два рентгенолога – зияющую дыру в мудром зубе. Она его удалила и принесла ему облегчение.

Семен расправил плечи и стал готовиться к выходу. Он услышал вопрос доктора к очередному клиенту, который сжался в углу комнаты:

– Вы на удаление?

– Да.

– Вам дорогой укол или дешевый? – спросила доктор.

– Мне... мне без укола, – ответил больной робким голосом. Семен оглянулся и увидел мужика пожилого возраста с маленьким круглым лицом в старой потрепанной одежде.

«Не от смелости, – подумал Семен, – а от отсутствия денег. Бомж, не бомж, но жертва общественного устройства, в каком – то смысле такой же, как и я...» Он сунул руку в карман, достал две купюры и положил на тумбочку со словами:

– Спасибо, это за меня, а это, – указав на незнакомца, – за того парня.

Он хотел произнести имя доктора, и взгляд его начал скользить по кабинету. Стоп. Он остолбенел от увиденного: над дверью висела рамка, где золотыми буквами было написано имя доктора: ЕЛЕНА СЕМЕНОВНА БЕЛОЗЕРОВА. Для пущей убедительности он еще раз прочитал имя, но уже другими, затуманенными глазами. Он потерял дар речи и пошатнулся.

– Вам плохо? – раздался голос доктора сбоку. – Может, присядете?

– Нет, все нормально, – промямлил Семен, который не мог контролировать ни свой язык, ни движения – столбняк.

Тайна матери

Семен тихо открыл входную дверь и затащил два полных пакета с продуктами, купленных в магазине «Магнит». Он услышал шорохи в кухне и запах жарящегося мяса.

– Привет, мама!

– Здравствуй сынок, – она в восемьдесят пять лет, горбась, тяжело отняла руку от столешницы кухни и перевела слезящиеся глаза на сына. – Ты что-то долго сегодня. Зуб вылечил?

– Удалил. Зуб мудрости.

– Слава богу.

Семен поставил пакеты на стол и стал их разбирать – что куда.

– Сынок, я тебе попросила купить книгу. Опять забыл?

– Да нет, мама, – ответил Семен отвлеченным голосом. – Я просто не знал, что купить: в книжном одни – про убийства, другие – про пошлость.

– Тогда хотя бы кроссворды.

– В следующий раз, мама. Не обижайся. Если тебе тяжело, я говорил тебе ничего не делать.

– Я могу. Я хотела приготовить твои любимые щи.

Семен хотел задать вопрос – вопрос жизни и смерти. Сегодня он был настроен решительно, может, в последний раз, потому что он близок к тайне как никогда.

– Мама, ты меня извини, но хочу тебя спросить в последний раз.

Юлия Федоровна тяжело вздохнула.

– Сынок, ну, сколько мы с тобой об этом говорили – я же рассказывал тебе все, что я знаю о ней, с тех пор я ее не видела. Прости меня.

Семен, как маленький мальчик, хлопал глазами, все больше сжимаясь от боли в сердце.

– Мама, ты знаешь, как зовут врача, который удалил мой зуб?

Юлия молчала.

– Ее зовут Елена, – выговорил Семен, как будто он делал большое открытие.

Пауза. Мама молчит.

– Ее фамилия – Белозерова, – с напором продолжал Семен. Он впился глазами в маму, которая перестала двигаться, вся превратившись в слух.

– Сынок, ты знаешь, сколько в России людей с такими фамилией и именем?

– Ты ахнешь, если я скажу, кто ее отец.

– Кто? – спросила мать, боясь правды.

К горлу Семена подступил комок, и он сглотнул.

– Его зовут, – он сделал паузу – слова не выходили наружу.

– Кто? – повторила вопрос мама.

– Его зовут Семен, – выронил Семен.

Мама замерла, глаза округлились. Она онемела, медленно

отвела взгляд в пространство, где была одна темнота. Она слышал голос сына издалека. Сверло – кто-то рядом рушит бетон...

– Мама, его зовут, – его голос дрожал. – его зовут Семен. Воцарилось молчание. Мать несколько раз открыла и закрыла глаза, снимая с них пелену, она тихо, молча опустилась на диван.

Семен быстро встал на колени перед диваном и схватил маму за окостеневшие плечи.

– Мама, ты от меня что-то скрываешь?

У мамы уже родились слезы и покатались по морщинистым щекам.

– Дай воды! Сейчас я тебе все расскажу.

Семен поднялся за стаканом воды и успокоительным для мамы. Она была в полной прострации, она перевела дух и начала доставать слова, которые запихнула глубоко в душу, уверенная в том, что нужды в них не будет никогда. Но, видит бог, время распорядилось по-другому.

– Прости меня, сынок, – тихим и жалким голосом мать просила прощения, из глаз текли слезы. – Прости. Я хотела как лучше для вас обоих, но получилось...

– Мама, о чем ты говоришь?

– В тот день, когда тебя привезли из Афганистана и собирали по частям, Светлана мне позвонила из Киева и сказала, что видела плохие сны и интересовалась тобой...

– Мама, о чем ты говоришь? – голос Семена дрожал. Руки

безжизненно повисли, мышцы в коленях ослабли.

– Я знала, что было много случаев, когда жены побросали своих мужей, увидев их искалеченные тела. Я тогда ей сказала, что... – она осеклась от глубокого волнения, ее голос задрожал, и она отвела свои плачущие глаза в сторону.

– Что ты ей сказала, мама? – Семен спешил услышать то, чего ждал всю жизнь.

Слезы душили ее, и она не могла говорить.

– Что ты ей сказала, мама?

Она набиралась смелости, чтобы сбросить с себя тяжелое бремя обмана, которое мучило ее столько лет, дней и ночей.

– Я сказала, что ты...

– Что? – сердце Семена вырывалось из груди. – Что?

– Что ты погиб, ты... – Она смотрела на Семена скорбным взглядом, прося прощения. – Что ты погиб! Прости меня.

«Погиб, погиб, погиб...» отзывалось в ушах Семена, он вздрогнул и пришел в отчаяние...

– Я тебе все прощаю, мама. – он прижал голову матери к своей груди. – Все. Все прощаю, не плачь.

В тот же день в четвертом часу дня Семен вернулся и присел на лавочку, откуда он мог следить за подъездом дома, где он нашел свою дочь, а может, нет, это просто его больное воображение. Ему надо было еще раз увидеть ее издали и проследить, как она будет уходить с работы, это прольет свет на многое в ее жизни.

Рядом с ним молодая мама раскачивала ребенка с демон-

стративной гордостью: все-таки выполнила главное предназначение женщины – продолжила род. Четыре сдавленных колеса восьмеркой катались взад-вперед, дребезжа. Одна пара была сильно изношенной, что натолкнуло Семена на мысль, что молодая становилась мамой не первый раз. Может, и Елена обзавелась кучей детей – вот какое счастье может случиться.

Семен всем туловищем повернулся к девушке. Он хотел болтать, хотел кричать – его пьянило предчувствие большого события. Он спросил:

– Мальчик?

Девушка подняла взгляд.

– Или девочка?

Незнакомка вежливо улыбнулась.

– Девочка.

– Первый ребенок?

– Нет, третий, – с гордостью ответила она. Ее светлые глаза улыбались.

– Я так и подумал, – произнес Семен.

Девушка хмыкнула:

– Что, я так старо выгляжу?

– Нет. Вовсе нет, – Семен придвинулся и вытянул руку до изношенного колеса коляски и пошатал его, – вот по нему сужу.

– А... – черты ее лица расслабились. – Да, ей много лет.

Наступило молчание.

– Извините, пожалуйста, а вы не знаете зубного врача вон, – Семен выдвинул палец, указывая на подъезд дома, где он был сегодня утром, – из того подъезда.

Девушка бросила взгляд вслед за пальцем Семена.

Она помотала головой:

– Нет, я не из этого дома. А что, у вас зуб болит?

– Нет. Сердце...

Девушка изменилась в лице и, последний раз притянув к себе коляску, встала и, накинув на плечо сумочку, ушла, толкая коляску впереди себя. «Я ее достал своими вопросами, – подумал Семен, – ушла, даже не попрощалась. Черт его знает, что она могла подумать обо мне». Семен стал потихоньку сосредотачиваться, собирая свои мысли и тревоги. «Пойти и сказать: «Я твой папа», – думал он. Нехорошая идея – она может испугаться так же, как и эта девушка с коляской. Не дай бог еще вызовет «скорую помощь» из дурдома. Нет, надо подождать».

К подъезду подъехала легковушка белого цвета, оттуда вышел молодой парень в форме и скрылся в подъезде. Время шло, и Семен не успел проанализировать пришельца, как из подъезда вышла врач в его сопровождении. Семен встал и, вытянув шею и обострив зрение, стал, как в замедленной съемке, следить за ее движениями. Она разговаривала и улыбалась. Сомнения Семена стали таять, как весенний снег.

Он всю ночь набирался смелости, чтобы придти к ней и сказать: «Я твой папа». Но утром случилось совсем нежи-

данное: он стоял перед дверью, где она вывесила табличку с надписью: «Отпуск. Буду через десять дней. Дата».

На дачу с иском для жизни

– Ура! – прокричала пятилетняя Маша, когда услышала от мамы, что они едут на дачу. Она подбежала и обхватила маму за ноги. Стараясь не отставать от сестры, трехлетний Саша тут же бросился к родне, держа в одной руке пластмассовый автомат, который строчил очередь от батарейки с возгласами:

– Улла!

– Рано ликуете, дети мои, – сказала Лена.

– Почему? – огорченно состроив рожицу, поинтересовалась Маша.

– Папа еще не решился.

Дети побежали к папе. Тот сидел в кресле, подперев подбородок рукой. растопыренной в рогатку. Вчера шеф его попросил не усердствовать в одном деле с мошенничеством в крупном размере, а коллега, единомышленник и друг Дмитрий предупредил, чтобы был поосторожнее с безопасностью семьи. Намек брошен, и он принудительно отправлен в отпуск. «Что может за этим последовать?» – думал Сергей. Изучив обстоятельства происходящего, он понял, что опасность вполне реальна: преступник с большими деньгами и связями может пойти на непредсказуемый шаг. Он нежно обнял детей обеими руками и прижал к себе.

– Поедем, поедем, – сказал он с коротким смешком. –

Обещаете не баловаться и слушаться маму?

Маленький Саша ни на шаг не отходил от сестры: она была его другом, наставницей и учителем. Он понимал и выговаривал почти все обиходные слова, но пока еще страдало произношение: многие согласные буквы он проглатывал.

– Обещаем, – сказала Маша, подпрыгивая на месте. – Ура!

Братик поддержал:

– Улла!

– Папа, а у нас что, дача есть? – поинтересовалась Маша, любознательная, как Варвара, которой нос оторвали.

– Это дача моего товарища, – сказал Сергей, вставая с кресла, держа руку на голове Саши. – Тебя устраивает такой ответ? – спросил он, уверенный в том, что последует еще куча вопросов.

– Да, – согласилась Маша. – Папа, а почему у твоего товарища дача есть, а у тебя нет?

– Потому что папа еще не заработал столько денег, – произнес Сергей. «Я мог бы быть богатым, если бы я принял «дипломат» с деньгами у этих негодяев, – думал Сергей. – А как потом с этим жить, я не знаю».

– А что...

– Дочь, хватит мучить отца дурацкими вопросами, – Лена быстро осадила дочь. – Если хотите ехать, быстро собирайтесь.

В магазине Лена с мужем купила провизию на неделю, маринованное мясо на шашлыки. Они погрузили в машину два

больших пакета и коробки.

– Мама, а мороженое не забыли взять? – спросила Маша, высовываясь в приоткрытое окно задней двери.

– С вашими больными горлами этого только не хватало, – запыхавшись и усаживаясь на переднее сиденье, сказала мама.

– Вот черт, – выругался Сергей, когда сел за руль машины. – Смотри, вот наша машина, – сказал он серьезным тоном, указывая на «тойоту», которая стояла впереди, точь-в-точь похожая на их автомобиль. – Мы сели в чужую машину.

– Да?! – моментально среагировала Лена, и только через несколько секунд она пришла в себя, спросив: – А дети как пересели?

И лишь когда Сергей хохотнул, она поняла подвох.

– Серега, хватит шутить и издеваться над женской психикой, – произнесла Лена, поправляя кофту на груди.

– А есть разница между мужской и женской психикой?

– А ты не видишь? – спросила Лена, головой поведя в сторону детей. – Я как тигрица с детенышами – боюсь любого шороха.

Сергей вновь вернулся к мрачным мыслям об угрозах в адрес «детенышей» вместе с «тигрицей». Он отбросил дурные мысли. «Так можно дойти до абсурда, – подумал он. – Чего бояться?»

За полдень они выехали за город. Дети уснули. Сергей специально выключил кондиционер и открыл окно, чтобы

быть поближе к природе. Хоть так надышатся запахами травы, берез, которые росли по обеим сторонам трассы. Машина взяла крейсерскую скорость, и он щелкнул рычаг стабилизации скорости. Он повернулся к жене. Она была задумчивой, и по ее глазам Сергей определил, что ее что-то сильно волнует. А может, мои тревоги по воздуху, по телепатии передались и ей: все-таки, как говорится, муж и жена – одна сатана.

– Ты что такая грустная? – спросил Сергей, бросив на нее мгновенный взгляд – с детьми в машине он старался быть за рулем аккуратным и редко оторвал взгляд от дороги.

– Да я так, по работе.

– Неприятности?

– Нет. Нечто общечеловеческое, – произнесла Лена отвлеченным голосом.

– Это еще что такое?

– Это когда поступок другого человека заставляет тебя думать, – Лена встряхнула головой, чтобы сбросить копну волос, нависших над глазом. – Вчера я выдернула зуб мудрости мужчине за пятьдесят лет. Он совершил поступок, который вывел меня из равновесия: я бы точно удалила зуб одному пациенту без укола, потому что у него не было денег, а этот положил мне на стол пятьсот рублей за незнакомого человека.

Муж открыл рот, чтобы что-то сказать, а Лена опередила его.

– Молчи, я знаю, что ты сейчас скажешь, – быстро осадила его Лена.

Их легковушка догнала грузовик, и Сергей собирался сделать маневр для обгона.

– И что я собирался сказать? – с едкой иронией спросил Сергей.

Лена закрыла глаза из-за помутнения.

– Следи за дорогой, – она выдержала короткую паузу. – Ты хотел сказать: «Он что, ненормальный?» – она бросила взгляд на мужа в ожидании ответа и расслабилась, когда услышала от мужа подтверждение своих слов. – От него веяло благородством – таких сейчас мало, – тихим голосом продолжила Лена.

– Наверное, он – милиционер, – предположил Игорь, ухмыляясь.

Лена с вызовом подняла одну бровь.

– Милиционер? – с сарказмом произнесла Лена. – В твоей организации таких людей не бывает, милый. Ты видел, как один начальник в погонах устроил стрельбу в супермаркете и убил людей? – она долго держала взгляд на профиле мужа на фоне промелькнувшей в окне поляны с густой зеленеющей травой.

Сергей, поймав удобный момент в движении на дороге, повернул лицо, чтобы ответить на вопрос, который повис в воздухе.

– Семья не без уродов, дорогая, – произнес он улыбающи-

мися губами. – А ты, как думаешь, кто он?

– Такое благородство было свойственно офицерам в Советской армии.

– Ага. Я уверен, с кем ты хочешь сравнить его, – Сергей повернул голову направо, и он увидел слезу, которая собралась в углу ее глаза и готова была покатиться по щеке. Ты хочешь сравнить его с... – и он, посерьезнев, запнулся и решил отвлечь жену от тягостных мыслей, направив тему в другое русло. – Вот, ты окончила целый институт по зубам. Можешь ответить, почему зуб назвали мудрым?

Лена долго молчала, зацепившись за воспоминания детства, вспоминая маму.

– Потому что он мудрый, – ответила Лена, приходя в душевное равновесие. – Из древних преданий известно, что этот зуб приходит вместе с мудростью, и те, у кого есть все тридцать два зуба, находятся под божественной защитой. В древней Руси, когда у человека прорезался зуб мудрости, люди в полную луну ходили на воду, чтобы шептать слова за здоровье.

– Да. Я тоже слышал, что он приходит с возрастом. А у меня, интересно, есть этот зуб? – он, шутя, разинул рот и повернулся к Лене.

– Не отвлекайся, – посетовала Лена. – Смотри вперед. У тебя его точно нет.

– Почему?

– Потому что, дорогой, твой возраст пришел без мудро-

сти, – Лена улыбнулась. Затем, посерьезнев, проронила: – Вот черт!

Сергей напрягся.

– Что такое?

– Я забыла вернуть зуб тому пациенту.

– С каких это пор зубники стали возвращать зубы людям?

– Я это давно делаю, Сережа. А ты не знал об этом, потому что ты никогда не интересовался моей профессией. Так вот, в зубе мудрости имеется мягкая пульпа, в которой содержатся стволовые клетки. А стволовые клетки, сам знаешь, используется для лечения многих болезней, в том числе при лейкемии крови, для омоложения, улучшения памяти и для поднятия жизненного тонуса. Вот для этого в развитых странах эти зубы замораживают на тяжелый день. Еще аппендицит вырезали как проблемный, не нужный орган, а он, оказалось, отвечает за иммунную систему. А гланды, представь себе, пока человек спит, воют с полчищами раковых клеток.

Машина приближалась к даче, где они проведут целую неделю. К счастью мамы, дети – Саша и Маша – тихо спали на заднем сиденье, поэтому дорога обошлась без тысячи вопросов, которыми они осыпали бы ее. Она их сравнивала с птенцами, которые только вылупились и продолжают познавать мир. Она не всегда могла отвечать на их вопросы, касающиеся ее отца и мамы.

Через двадцать километров пути Сергей повернул машину с трассы налево, на узкую асфальтированную дорогу, и

через минуту они оказались на длинной улочке, заполненной строениями, тесно прижатыми друг к другу.

– Вот и приехали, – сказал Сергей, откидывая ремень безопасности.

Дети были погружены в глубокий сон. Лена не хотела их будить: она вопросительно направила взгляд на глаза мужа.

– Не хочешь будить? – спросил он тихим голосом. – Подождем?

– Нет, – ответила Лена. – Они здесь задохнутся от жары. Маша!

Железные ворота вросли в сорняк – видимо, здесь давно никого не было. Пока Сергей открывал ворота, дети вылезли из машины. Саша тер глаза и в растяжке выдвинул таз вперед, затем зевнул.

– Да, Сережа, хитрый у тебя товарищ, – с сарказмом произнесла Лена.

– Почему?

– Не видишь, сколько здесь пыли и грязи? – проворковала Лена. – Так что один день спиши на санитарию.

– Ничего, – сказал Сергей. – Вместе быстро уберем. Какое удовольствие – здесь у него сауна, бассейн, мангал, фрукты, земляника. Одним словом – живи в глуши и в тиши.

Еще солнце не успело уйти за горизонт, как Лена, закончив войну с пылью, погрузилась в бамбуковое кресло-качалку и слегка раскачивалась, погрузившись в свой собственный мир, где перемешалось все – и одинокое детство, школь-

ная тоска и взрослое материнство. Как всегда, она запуталась, не найдя выхода из лабиринта воспоминаний. Она чувствовала, что что-то должно произойти. Этот статный прихрамывающий мужик с внушающим доверие голосом. Да, он, наверное, офицер, получивший ранение в Афганистане и выживший. Может, он встречался с отцом и курил с ним сигарету, делясь тем, что у него есть семья и маленькая девочка, которых он не увидит никогда.

– Мама! – из комнаты заревел Саша. – Я огурец хочу.

Сергей, дремавший в кресле напротив, тоже открыл глаза.

Уже наступили сумерки. Воробушек, который, без конца целый день чирикал, прыгая на проволоке, перетянутой от столба к дому, улетел в свою ночлежку, наверное, где-то в стоге свежескошенного сена.

– Мальчик проголодался, – предположил Сергей. – Давай-ка, я разведу костер, и сделаем первый шашлык в сезоне, – подавшись к жене, он тихо произнес: – про огурец он скоро забудет.

Через час ужин был подан: шашлык из баранины, куриных крылышек и свежий салат. Но Саша продолжал сидеть, насупившись и откинувшись на спинку дивана, не подавая признаков желания ужинать.

– Сынок, – обратилась мама ласково, – вставай кушать.

– Я хочу огурец, – протянул Саша. Он встал, потянулся до солонки и окунул туда указательный палец, затем посмотрел сначала на папу потом на маму и молча языком облизал

его. – Я хочу огурец.

– Что это? – спросил Сергей в недоумении. – Он кушает много соли.

– Я не знаю, – ответила мама. – Обычно дети едят соль из-за недостатка мяса в рационе, но он же ест.

Сергей встал.

– Куда? – встревоженно спросила Лена.

– Тут всего километрах в пяти есть гастроном. Я побежал.

– Сережа! – выпучила глаза Лена. – Я боюсь.

Сергей вытащил из кобуры пистолет.

– Стрелять ты умеешь, – иронично сказал Сергей. – Я это оставляю. Двери закрой и никому...

– Эх ты, сынок, – обратилась Лена к Саше. – Все из-за тебя.

– Я огурец хочу, – бесцеремонно повторил Саша зов организма.

Сергей выкатил машину за ворота и закрыл их. Он глянул в темноту – увидел лишь небольшое пространство, освещенное фарами автомобиля. Через несколько минут он приехал на заправочную станцию, где работали кафе и небольшой магазин продуктов. Он заправил бак, потом направился в гастроном. Продавщица взвешивала пакет с огурцами, когда Сергей услышал визг тормозов: к колонке подъехал джип черного цвета. Когда он увидел человека, который вышел из машины, он обомлел: это был Торчок с длинными волосами, собранными на затылке в косичку, охранник Слуцко-

го, погрязшего в наркоте. В голове у Сергея вихрем понеслись умозаключения вокруг слов «береги себя» его напарника Дмитрия. Чтобы уличить начальника отдела полиции в том, что он продался и осквернил свой мундир со звездами полковника, в отделе собственной безопасности не хватало улик. Хам, идущий в ногу со временем, он продался дьяволу:

– «Ты много на себя берешь, Кожин. Слуцкий – мой друг». Это была прямая угроза.

Сергей секунду стоял в нерешительности с протянутой рукой, чтобы принять пакет из рук молодой продавщицы, а сам, как зверь, учуявший добычу, наблюдал за тем, что происходило на площадке. Торчок быстро сел за руль и стал ждать, пока заправят.

– Вы возьмете пакет? – с возмущением произнесла продавщица.

– Извините, – сказал Сергей, выхватывая пакет с огурцами, но продолжал стоять, и как только джип съехал со станции, он выскочил из магазина – пакет зацепился за дверную ручку и порвался. Огурцы рассыпались по плитке, образовав ряд. Хозяину пакета вдруг стало не до огурцов, и он, бросив оставшийся в руке пустой пакет, рванулся к своей машине. И на глазах худощавого заправщика станции и ротозейки-продавщицы, Сергей сделал крутой разворот на полном ходу – двигатель загудел и шины завоняли. В следующую секунду раздался громкий хлопок, машина с визгом остановилась. Сергей выпрыгнул из машины и, увидев взорвавшееся

переднее колесо, громко чертыхнулся.

Зазвенел сотовый телефон. Сергей быстрым движением через окно подхватил телефон.

– Алло, Сереж, ты где? – раздался голос Дмитрия.

– Говори быстро! – прокричал Сергей. – У меня гости. Торчок уже здесь, только что отъехал отсюда. Я на заправке, а семья на даче. У меня лопнуло колесо.

– Срочно позвони Лене. Слушай внимательно. В кухне под диваном вход в погреб, и он железно замыкается...

Лихорадочными движениями Сергей стал искать контакт жены.

– Алло, – Сергей говорил громко, не контролируя голос. – Слушай внимательно: кухня, диван, под ним – вход в погреб. Забирай детей и спрячься. Там безопасно. Только быстро.

– Что случи... – голос жены.

– Прошу тебя. Я мигом.

На автомате Сергей из багажника выхватил домкрат и стал быстрыми нервными движениями устанавливать его. «Ну, давай. Ну, давай», – подхлестывал себя Сергей. На помощь подошел заправщик: он что-то говорил, но Сергей его не слышал.

Продавщица выбралась наружу и стала подбирать огурцы в новый пакет. Кассирша с немим ужасом в глазах, высунув голову в маленькое квадратное окошко, следила за происходящим.

– Что случилось? – интересовалась она у продавщицы. Та

отрицательно мотает головой.

Руки Сергея двигаются с поразительной скоростью. Минута – и колесо заменено. У дверей машины его поджидала продавщица с пакетом огурцов, умиленно глядя в его глаза.

– Спасибо!

Рев двигателя – и опять буксирующиеся и дымящие скакты. Секунда – и задние фары стали исчезать из поля зрения онемевшей продавщицы.

– Я такого еще не видела. – сказала она.

– Наверное, мент, – предположил худой заправщик.

– С чего ты взял?

– Они так стригутся чисто и коротко, – сказал заправщик. – У него за поясом был пистолет.

– Ты видел?

– Нет. Я думаю.

Сергей подъехал к воротам на той же скорости. Визг тормозов был слышен во всей округе, не то что внутри дачи. Он вылез и увидел, как внутри дачи потух свет. «Ничего, – сказал про себя Сергей, – я тебя достану, если даже будешь под землей». Он не пошел в калитку, а, как акробат, перепрыгнул через забор с противоположной стороны. Тихо подкрался к окну. Полная тишина – дети спрятались. Слава богу. Под ногами нащупал камень и кинул в дальнее окно – раздалась очередь из пистолета. «Испугался, гад! Сейчас мы с тобой сыграем в кошки-мышки, – решил Сергей. – Я по-

смотрю, насколько тебя хватит нервов, Торчок. Смелый перед слабыми и подлый».

– Выходи! – крикнул Сергей громко и дико. – Полиция! Раздался одиночный выстрел.

– Сдавайся, Торчок, – скомандовал Сергей. – Ты окружен. Ты уже спел свою песню. Я тебя убивать не стану. Ты мне нужен живой как свидетель. Ты все мне расскажешь сейчас. Руки вверх и выходи, если хочешь жить. Лена! Я здесь.

Наступила тишина. Время тянулось. Вдруг дверь стала открываться. Сергей насторожился. Торчок резко выбежал на крыльцо, стреляя наугад, и попытался забежать за угол, но пуля настигла его, и он, застонав, упал на землю. В одно мгновение Сергей оказался на его спине, с остервенением зверя затягивая его руки назад в замок. Он бал готов вгрызться в его горло, как тигрица, защищающая свое дитя. Сергей ранил его в ногу – он еще мог сопротивляться. Он раз ударил его по голове рукояткой пистолета – тот смяк. Сергей принес из машины наручники.

– Я сейчас включая микрофон, – процедил сквозь зубы Сергей. – И я тебя спрашиваю: кто тебя послал? Кто? – удар в нос. – Кто и зачем?

Зазвенел телефон и табло засветилось.

– Алло! – голос Димы. – Ну, что там?

– Ничего, я его поймал, – остервенелым голосом произнес Сергей.

– Сереж, не убивай его – он нам нужен живым. Я еду. Ты

меня слышишь?

Сергей уронил руку, державшую телефон.

«Куй железо, пока горячо», – вертелось на языке Сергея.

– Сереж! – он услышал гулкий голос жены из погреба.

– Я здесь, – ответил он, думая про себя: «Подождите еще

– вы не должны это видеть».

Сергей только собрался вытолкнуть Торчка за ворота, посадить в машину и поджечь, как увидел свет фар приближающегося автомобиля. Это был запыхавшийся коллега Дмитрий.

– Серега, а ну прекрати! Он нам нужен живым. Что ты с ним сделал? Он истекает кровью.

– Не хочет признаться, гад, кто его послал, – процедил Сергей, толкая его в машину. Он отошел и наставил пистолет на бензобак джипа.

– Ладно, отпустите меня, – наконец выдал из себя Торчок. – Меня послал Слуцкий, чтобы убить тебя.

Сергей с Дмитрием переглянулись.

– Вот тебе и доказательство, – одновременно выговорили друзья.

Сергей вытащил Торчка из машины и отвел в сторону, затем выстрелил в бензобак – раздался взрыв, оглушивший округу.

Лена плакала и тряслась. Маша тоже была перепугана. Саша же сел за стол, где перед ним отец водрузил тарелку с начищенными огурцами и стал с аппетитом есть, хрустя и до-

вольнo глядя по сторонам.

Встреча с Андреем

В рабочем кабинете генерала офицеры собрались на совещание по серьезному вопросу о недостатках работы штаба дивизии. Генерал Соболев Андрей сидел во главе стола, покрытого зеленым бархатом, понурил голову: за нарушения в обеспечении сохранности материальной части и финансовой дисциплины первый спрос с него. Его сотовый бибикнул, он медленно, не желая нарушать ход мыслей, нажал на кнопку и зачитал:

– «Уважаемый Андрей Юрьевич, напоминаем, что с потребительским кредитом Сбербанка краски весны могут стать ярче...»

«Краски весны могут светиться только для вас, банкиров», – подумал Андрей и со злостью удалил сообщение. Через весь стол полковник Лукьянов протянул руку своему коллеге, чтобы поздравить его с новой звездочкой на погонах. Они заговорили, и Андрей Юрьевич вполуха стал слушать диалог. В мире звуков у него была непереносимость некоторых из них – мисофония как афганский синдром.

– Поздравляю, Саша, – сказал Лукьянов, – ты уже большой человек. Зарплату прибавили?

– Нет еще, – улыбаясь, ответил коллега. – Не задевай больную тему. Я, честно сказать, с моей специальностью мог бы зарабатывать на гражданке значительно больше, поэтому жа-

лею, что в детстве ел много каши, – он ярко улыбнулся.

– А при чем здесь каша? – в недоумении спросил Лукьянов.

– А при том, что моя мама все время наставляла меня кушать кашу со словами: «Ешь кашу, а то в армию не заберут».

Офицеры захохотали. У генерала в усмешке сдвинулись губы, в его голове большие настенные часы гулко отсчитывали секунды – он поднял взгляд: до приезда Дроздова, его непосредственного начальника, оставалось несколько минут. Он откинулся на спинку стула и качнулся. Дверь кабинета открылась. В дверях во весь рост встал его адъютант лейтенант Заблотский. Он приложил руку к виску и доложил:

– Товарищ генерал!

– Говори! – сказал Андрей Юрьевич.

– Там, внизу, ваш брат срочно хочет видеть вас.

– Что? Какой брат?! Ты не знаешь, что я вырос в детдоме и что я круглый сирота? – улыбка загорелась на лицах офицеров, сидевших за длинным столом. – Подождите, а как он выглядит?

Адъютант пожал плечами:

– Высокий, седой, с усами.

Генерал наморщил лоб.

– Он хромает на левую ногу, – добавил адъютант.

Генерал растерялся.

– Извините, товарищи. Совещание проведет мой замести-

тель, – он удалился из кабинета, смахнув со стола свою фужажку и оставив коллег в недоумении.

Андрей догадывался, что у Семена случилось что-то серьезное, может быть, что-то с мамой или, не дай бог, собрался в Афганистан.

Увидев еще издали Семена, Андрей ускорил шаг, чтобы пожать ему руку.

– Здравствуй, Семен, – он потянулся, чтобы обнять Семена, затем, отстранив от себя на вытянутую руку, нахмурился: – Что случилось? С мамой все в порядке?

Семен выдохнул.

– С мамой все хорошо. Это со мной нехорошо, то есть хорошо, но... Я не могу говорить, давай пойдем куда-нибудь и сядем.

Андрей посмотрел по сторонам, хотя ничего не видел, кроме обескураженного лица друга.

– Давай спустимся вниз – там у нас закусочная, и кофе можно попить.

– Нет, нет. Пойдем на улицу – здесь воздуха не хватает.

Андрей взял Семена за локоть, и они пробирались через вертушку, а проходящие офицеры отдавали честь под козырек, провожая их взглядами – они, видимо, не видели своего генерала таким сентиментальным.

На секунду Семен подумал, что у них были одинаковые звания, когда они окончили военное училище. «Время идет вперед, а жизнь некоторых остается на месте», – подумал он.

Они сели на пыльную влажную лавочку.

– Ну, рассказывай, старик, что стряслось, – на тебе лица нет.

Семен с минуту молчал, думая, как это сказать такое.

– Я нашел дочь, – он перевел на друга странный взгляд, как бы желая удостовериться у друга, что бывают в жизни такие чудеса.

– Какую дочь? – Андрей сдвинул брови. Он краем глаза заметил спускающегося по ступенькам адъютанта с таким видом, будто он сейчас объявит, что началась война.

– Товарищ генерал, – он подбежал так близко, что по выражению его лица генерал мог читать его мысли.

– Передай Дроздову, что я умер. Ты не видишь, что я занят? В таком случае ты должен знать, что у меня есть заместитель.

– Извините, товарищ генерал, а как вы узнали, что это Дроздов?

– Доживешь до моих лет – поймешь, кто может позвонить тебе и зачем.

Молодой лейтенант исчез так же быстро, как и появился.

Провожая его взглядом, Андрей сказал:

– Хорошим будет офицером, – затем, обращаясь к Семену: – Я не понял, о какой дочери ты говоришь?

– О моей! – Семен впился глазами в друга. – Ты что, не понимаешь?

Андрей молчал.

– Семен, что с тобой? У тебя нет дочери, – механическим голосом произнес он, повысив голос.

У Андрея вихрем пронеслись мысли в голове. «У него опять помутнение», – подумал он. Молча, он полез в карман и достал телефон.

– Алло, Сережа, – он разговаривал с лейтенантом, которого только что грубо отчитал, – напиши за меня заявление об отпуске. Молчание: лейтенант что-то отвечает. – Ничего, что раньше времени. Напиши: по семейным обстоятельствам, – ему нужно было время, чтобы похлопотать и устроить друга в больницу. Такое уже было один раз...

Он повернулся к Семену.

– Ну, рассказывай.

– Я нашел ее, Андрей. Как тебе еще объяснить?

– А где она?

– Я не знаю. Я пришел к тебе за помощью, чтобы найти ее.

Андрей пошарил по карманам и достал сигарету, затем молча прикурил, и перед носом за клубился сизый дым. Он кашлянул. Его глаза моргнули несколько раз. Перед Семеном у него был долг, ценою в жизнь. Его мысли понесли в Афганистан, вороша в памяти самые яркие эпизоды жизни, воскрешая черты, стираемые временем. В такие моменты он становился сам не свой: взрывной, непредсказуемый. Со временем он научился управлять этими чувствами, но внешне это невозможно было скрыть, потому что его лицо надувалось, краснела. «Афганский синдром» – так назвал врач эту

болезнь, когда начинаешь чувствовать себя на краешке земли, готовым прыгнуть в бездну, лишь бы не видеть и не чувствовать боль, страдание. Все в куче: и канонада, и стоны, и кровь и смерть.

«Я нашел дочь», – звучало в голове как диагноз. «Нашел дочь».

Андрей почесал лоб, уверенный в том, что у друга начался рецидив болезни.

– Ты почему так смотришь на меня? Ты мне не веришь? – спросил Семен с округлившимися глазами. – Мне больше некому сказать об этом, Андрей. Никто не поймет.

«Я тоже не понимаю», – хотел сказать Андрей, но воздержался.

– Объясни!

– Мать призналась, – начал Семен подробно рассказывать, – что когда меня привезли в Москву, Света связывалась с ней по телефону, и мать из понятных побуждений сказала ей, что я погиб. – Его потухшие от горя и нечеловеческих испытаний глаза были неподвижны. Он никогда ни перед кем не оправдывался, ничего не боялся, не пасовал перед трудностями. Но сегодня он просит о помощи. – Потом она позвонила ей через день и сказала, что беременна. Не знаю, с чего начать, – он опустил голову, от глубокого волнения большим пальцем тер указательный. – Я узнал, почему моя жена Света бросила меня. Я ошибся. Дело в том, что моя мать сказала ей, когда меня привезли в Москву, что я погиб.

Увидев мое состояние, она за меня решила, как поступить. Я ее не осуждаю. Я не знаю, как правильно поступить, искать ее или нет. Еще... Ты не поверишь, Андрей, Андрей слушал, затаив дыхание.

– Я вчера удалил зуб у врача, которая носит мою фамилию и отчество. Это о чем-то говорит?

– Бывают совпадения, Семен.

– Ты мне не веришь?

– Верю, – сказал Андрей твердым голосом. Он, глядя на маленький шрам поперек лба Семена, морщины, разделенные посередине вертикальной полоской, его карие глаза и мужественные черты лица, думал о событиях большой давности, что взволновали его один раз и оставили след в душе на всю жизнь. Он стал перебирать в памяти события, которым он был свидетелем.

Афганистан: за ешь офицера

Семен был назначен командиром штурмового батальона в Кандагаре. Старый полковник из Житомира Коваленко с большим животом и прищуренными глазами долго изучающим взглядом рассматривал Семена.

– Мы тут в штабе подробно изучили все операции, предложенные офицерами полка и решили принять за основу вашу, товарищ лейтенант. Грамотно, но много риска. Я вас назначаю командиром батальона, и вы головой отвечаете за исход этой операции. Речь идет о судьбе сотен солдат. Вы где учились и сколько времени вы в Афганистане?

– В анкете все написано, товарищ командир.

– Отставить разговоры.

– Киевское высшее танковое училище. Три месяца.

– Так и скажи. В свое время я тоже поступал туда, но не прошел по конкурсу, так что я знаю уровень вашей подготовки, но, – он сделал многозначительную паузу, воздев указательный палец вверх, – здесь нет фронта, поэтому нет танковых боев, зато есть поля с минами, поля с засадами, вообще одна партизанщина. Вы, советские офицеры, гордо носящие золотые звездочки на погонах, достойные своих отцов и дедов должны понимать: простых войн не бывает – свинец и в Африке свинец, поэтому первая задача – беречь личный состав, вторая – берегите себя и честь советского офицера, –

он опустил голову. – Я не хочу терять своих солдат в этой бессмысленной войне, где тебе тычут пальцем: этого можно убить, а того – нет, а потом этот «нет» бьет тебе в спину, – пауза в ожидании вопроса. Полковник впился глазами в Семена, который молчал – нет вопросов. – Задача вашего батальона, товарищ лейтенант, – обеспечить безопасный выход транспортной колонны из ущелья. Ясно? – он положил свою руку на плечо Семена.

– Так точно, товарищ полковник, – Семен выглядел уверенным в полевой гимнастерке и смотрел из-под козырька головного убора с уверенностью, – обеспечить выход колонны.

– У вас немного времени, дорогие мои. Давайте, за дело!

Семен, изучив повадки противника и местность, провел блистательную операцию: ни одна вражеская пуля не полетела в сторону советской колонны. Отдельным группам удалось задержать врага далеко от маршрута движения колонны.

Все сложилось хорошо у лейтенанта Семена Белозерова, но один из отрядов вернулся без командира, и этим командиром был Андрей Соболев, его сокурсник и друг. Семен пришел в ярость:

– Где командир? – спросил он сержанта в оборванной после боя гимнастерке и со следами ранения на щеке. – Где командир?

– Не знаю, товарищ лейтенант, – сержант еле дышал. –

Мы попали в засаду: мины, гранаты, – в углу рта – засохшая кровь. – После боя мы его искали – не нашли ни мертвого, ни живого. Я уверен: его духи забрали в кишлак, где их центр, туда километров тридцать, товарищ лейтенант.

– Значит, контуженного забрали духи, – произнес Семен. Он тяжело опустился на стул и обхватил голову обеими руками. С минуту он молчал. Когда он поднял голову, его лицо преобразилось: губы приоткрыты, глаза с интервалом моргали, кровь отхлынула от лица – оно было бледное, как мел. У Семена не стерлось с памяти и вряд ли забудет когда-нибудь изувеченное тело плененного советского солдата в мешке, которого подбросили на обочину дороги в аэропорт – с него сняли кожу и завязали на голове. Эту пытку духи называли «Красный тюльпан». Он мотнул головой, отгоняя от себя дурные мысли.

– Приведите ко мне рядового Рустамова.

Замполит, стоявший у дверей с растерянным видом, зашевелился, решив выразить свои возражения:

– Товарищ, лейтенант...

– Я сказал непонятно? – громко проорал Семен. – Вызовите ко мне рядового Рустамова.

– Семен Павлович, надо поставить в известность полковника, и в таких случаях проводят спецоперацию.

Семен бросил на замполита испепеляющий взгляд.

– Какая операция, вы что, с ума сошли? Его тут же растерзают! Нету времени, замполит, – спокойно сказал Семен,

поднимаясь со стула. Он вышел из полевой палатки наружу, попросил у солдата сигарету и втянул в легкие дым. Ничего не помогало.

Солнце заходило на закат, и его зарево, которым так наслаждался Семен на родине, показалось предательским, потому что сейчас оно сияло со стороны хребта, за которым прятался афганский кишлак, где в данный момент, может быть, пытаются, выкалывают глаза или вспаривают живот его другу офицеру Андрею. Солнцу нет дела до мелких человеческих делишек, которые не поделили территорию или интересы и беспощадно убивают друг друга. Так было в истории, так происходит сегодня – время не меняет людей. Человеку немного надо, чтобы спуститься обратно к животным инстинктам – всего лишь один щелчок в мозгу. «Мне бы один танк, чтобы сравнять их с землей!» У Семена все мысли сошлись в одну точку: надо спасти друга, он понимал это интуитивно, по-животному, по ходу дела.

– Товарищ, командир, – Семен услышал за спиной рядового Рустамова, таджика, который недавно чудом сбежал из плена.

Семен обернулся. Перед ним стоял юноша с черными волосами, смуглым лицом и пухлыми щеками. Семен перевел дух и протянул руку:

– Здравствуй, Руксат. Ты пойдешь со мной?

Рядовой, недолго думая, ответил:

– Да, пойду.

– А почему ты не спрашиваешь, куда?

– Я знаю, товарищ лейтенант.

– Куда?

Руксат повел головой, указывая на кишлак.

– За командиром.

– Молодец, – Семен прикоснулся его плеча. – Руксат, я не могу тебе приказать, но там наш офицер, и он, наверное, надеется на нас. Ты знаешь их язык, а я знаю английский, и мы попытаемся разыграть их с помощью письма, которое мы изъяли у курьера два дня назад. Улавливаешь?

– Да.

– Через два часа, как стемнеет, приготовься – выезжаем.

И не забудь положить в сумку одну гранату.

После того как рядовой откланялся, Семен, обращаясь к замполиту, сказал:

– Это случай, когда патриотизм одерживает вверх над здравым смыслом, этот парень не должен погибать за пустую идею вроде интернационального долга.

Замполит скривился:

– Что ты хочешь этим сказать?

– У меня мало слов, Саша, но они имеют большое значение, – начал Семен приводить оправдательные аргументы. – Во-первых, Андрей – мой однокурсник и друг, а во-вторых, ты слышал слова командира про офицерскую честь. Я нахожусь здесь, и я знаю, что там, за горой, мой офицер в опасности. Ты можешь представить его состояние и то, как он ждет

своего спасения. А я тут с тобой обсуждаю статьи воинского Устава, что правильно, что нет.

Замполит выпучил глаза.

– Объясняю, – продолжал Семен. – Я пойду спасать друга, что бы ни стало со мной и с моей карьерой. Все понятно?

– Ты не можешь оставить батальон без командира. Не забудьте: у нас полевое состояние и есть угроза нападения.

– Ничего. Командиром назначаю тебя.

С наступлением вечера «УАЗик» с выключенными фарами сорвался с места по направлению к афганскому кишлаку, который был оплотом противостояния в округе. Командир моджахедов Халк слыл жестоким и коварным человеком. Подобрав под свое крыло сотни душманов и имея четко налаженную агентуру, он оказывал достойное сопротивление советским подразделениям. Надо было перехитрить его.

Замполит долгим взглядом провожал растворяющийся в темноте «УАЗик», который вез двоих советских воинов навстречу неизвестности.

Они долго ехали с выключенными фарами, но в один момент Семен включил свет, чем озадачил своего проводника.

– Зачем, товарищ лейтенант?

– Да нас уже давно засекали. Сейчас они могут принять нас за своих, не знаешь, почему?

– Точно, – одобрил Рустамов. – Хорошая идея.

– Откуда родом?

– Из Душанбе, – пауза. – Береженого бог бережет.

– Не бойся, друг. У нас есть еще одно оружие.

Рустамов посмотрел на автомат, который лежал на коленях, ощущая холод от железа с одной стороны, уверенность – с другой.

– Я имею в виду не автомат.

– А что?

– Внезапность, товарищ Руксат. Пока они будут думать, кто мы такие, мы сможем приложить пистолет к виску Халка. А там ему решать: жить или умереть. Если он выберет жизнь, тогда мы сможем вызволить Андрея из пещеры. Если нет, то... Ты захватил гранату?

– Да, – Руксат нащупал в кармане железный комок. – Лучше умереть, чем снова попасть к ним в плен, чем терпеть их издевательства, есть их парашу с наркотой и видеть, как они... – Руксат смолк.

Семен повернулся к нему, чтобы в темноте разглядеть его, чтобы узнать, что еще можно сотворить такое, о чем даже не хочешь думать.

– Что?

– Я попал в плен вместе с Иваном Селиным. Наши кровати были рядом и мы с ним сдружились. Когда ему душманы распорол живот и спросили, сколько афганцев убил, он ответил: «Много». Они приказывали ему просить прощения и стать на колени, он отказывался. Ему в живот засыпали землю и дали в муках умереть, – тишина. – Когда он умер, старший спросил у палача: «Как ты думаешь, ты убил его?»

Палач ответил: «Да», – и толкнул его безжизненное тело ногой. Главный сказал: «Нет. Ты убил его тело, но не дух. Он – настоящий воин».

Руксат замолк и в его молчании было много смысла. Они больше не разговаривали до тех пор, пока не уперлись в вооруженный наряд.

Руксат что-то говорил, жестикулируя и повышая тон. Затем он показал письмо и сумку с деньгами: мол, для командира. Семен был готов в любую секунду ввязаться в бой. Он видел впервые так близко лица врагов, от которых исходила дикая жестокость. «Что ж, они у себя дома, – думал Семен, – на своей земле».

Откидываясь на спинку сиденья, Руксат странно посмотрел на лейтенанта и сказал:

– Товарищ лейтенант, за вашу голову объявлена большая цена.

– Неужели? – воскликнул Семен.

С этой минуты Семен осознавал, что целиком отдался своему солдату, которому он верил как себе.

Они через несколько минут въехали в кишлак по грунтовке.

Афганец в халате тянул за собой навьюченного осла, прижавшись к каменному забору дома, пропуская машины. Когда свет фар ослепил его, он отвернулся, приложив открытую ладонь ко лбу. Он, остановившись, стал смотреть на транспорт, который резко появился из-за угла и так же быст-

ро исчез за поворотом, где находился охраняемый штаб Халка.

Одноэтажные дома, погруженные в сумрачную темноту, пестрели, как призраки. То там, то здесь тускло горели керосиновые лампы, лаяли собаки и видны были одинокие пешие люди, которые взглядами провожали две машины, которые на высокой скорости двигались по направлению к центру.

Машина сопровождения остановилась, выпустив из-под задних колес облако пыли.

Наступил ответственный момент для Семена: «Что если Андрей не здесь, что если Руксат подкачает и не выдержит эмоциональную нагрузку, что если он продаст меня?»

Большая железная калитка открылась, и двое вооруженных моджахедов зашли внутрь, громко разговаривая на своем языке. Семен краем глаза заметил, как от напряжения вздымалась и опускалась грудь Руксата, и он, вытянув правую руку, коснулся его руки, чтобы успокоить и придать ему силы. Руксат кивнул головой, давая понять, что все идет по плану.

– Товарищ лейтенант, у вас есть девушка?

– Я женат.

«Нашел время напомнить», – подумал Семен.

– Как ее зовут?

Семен повернул голову.

– Ее зовут Света. Она еще студентка мединститута в Киве.

– А мою зовут Саида.

– Жена?

– Не-ет.

– Невеста?

– Не-ет.

– А кто она тебе?

– Просто девушка. Живет на соседней улице.

– А она хоть знает, что ты ее любишь?

– Нет, – странно ответил солдат.

– Сумку с деньгами отдаешь мне, сам в комнату главного не заходи, пока не позову.

Семен туманно представлял себе дальнейшие действия: все на интуиции, что сказать и что делать, время покажет.

Входные двери заскрежетали. Двое охранников стали приближаться. Семен напрягся.

– Ты готов? – спросил он Руксата.

– Да, – ответил Руксат шепотом.

Охранники обыскали гостей и забрали у Руксата автомат Калашникова и пистолет у Семена.

Дом главного в центре села обнесен высоким забором и двумя башнями по углам. Видимо, он и штаб военный. Во дворе, несмотря на позднее время двое, одетые в длинные рубахи и широкие штаны, ходят взад-вперед. Охрана, – предположил Семен. Вскоре они оказались внутри большой комнаты, которая освещалась медной керосиновой лампой. Семен поздоровался и скользнул взглядом по комнате: глав-

ный с четками в руке сидел на топчане. Борода и суровый недоверчивый взгляд выдавали хозяина и командира сопротивления. Вот он, его величество главный моджахед, одетый в велюровый жакет и длинную накидку. Сейчас он покажет себя, на что способен. Дуэль. Семен приблизился к нему. Его глаза сверлили Семена: еще чуть-чуть – и он может догадаться, и тогда будет поздно. Семен положил сумку с деньгами на пол, расстегнул замок, сунул руку в нее. Афганцы взглядом провожали каждое движение Семена, но не успели ничего сделать, когда он из глубины сумки достал гранату и снял чеку. Глаза Халка расширились, и лица афганцев застыли в ужасе. Один громко заорал. Со двора донеслись ответные звуки и затрещал автомат АК. Семен схватил Халка за шиворот.

– Руксат!

Руксат вбежал в комнату.

– Объясни им: мне нужен советский офицер. И если хотят жить, пусть выдадут нам его.

Андрея Семен нашел в подвале. Он был измученный, со следами жестоких побоев на лице. Увидев Семена, он ожил во второй раз в жизни. Его развязали, посадили в машину, куда они забрались вместе с заложником. Это произошло так быстро и слаженно, что в памяти Семена отложилось как секунды.

Заложника Халка они отпустили далеко от кишлака, как и обещали, но затем попали под перекрестный огонь пре-

следовавших их по пятам афганцев. Их спасла предусмотрительность замполита, который послал вслед за ними спецотряд, – так, на всякий случай.

Но та ночь для Семена закончилась трагедией: в военном госпитале в Кабуле не справились с ранениями, которые он получил, спасая своего друга и честь советского офицера. Его отправили в Москву.

Мысли о прошлом

– Ты почему молчишь? – спросил Семен генерала. – Может, ты занят по работе и...

– Нет, нет. Извини, брат. Я думаю о прошлом – о том, что ты сделал в Афганистане. Я это рассказывал военным теоретикам, и они присвоили твоё имя операции – «Семеновка». Один даже предложил пригласить тебя, чтобы ты выступил перед военными, – он опустил голову. – Я им сказал: «Не трогайте его». И сегодня, Семен, война продолжается, где гибнут люди.

– Андрей, я пришел сюда не для того, чтобы слушать о войне.

– Извини, – выдавил Андрей. – Ты мне скажи, что надо сделать, – я сделаю. Мне что-то не верится, что такое может быть. Покажи мне эту вывеску.

– Не могу.

– Почему?

– Потому что там двери закрыты и там написано, что она ушла в отпуск.

– Ты вошел в лачугу врага за меня, я не могу войти в кабинет врача? Поехали!

По дороге в кабинет зубника Андрей усиленно думал.

– Семен, ты помнишь замполита Александра?

– Иванченко? Конечно.

– Он сегодня воюет против ополченцев на Донбассе, большой начальник. У меня в голове не укладывается все это. Какой-то негодяй зажег искру – и полыхает война на братской Украине. Это ерунда какая-то.

– Я не знаю, Андрей. Я уже ни о чем не думаю, наверное, мозги высохли.

Андрей искоса глянул на Семена, отмечая про себя, что жизнь на самом деле прожита. У него появилась надежда в конце жизни. Хоть бы это было правдой!

– Поехали!

Приехав на место стоматологии, друзья вошли в подъезд, дернули за ручку, затем вышли на улицу, обошли дом с другой стороны и уставились на окно.

– Никак не получится, – произнес Андрей. – Решетки, как в Сбербанке, – и тут же вспомнил сообщение о кредите. – Надо нарушить закон, Семен. Ты точно всех обошел, и никто не знает, кто она такая?

– Да, – подтвердил Семен. – Никто не дает никакой информации.

– А ментовка?

– И там никто ничего не знает, – сказал Семен. – У них она не числится.

– А налоговая?

Семен остановился и нервно начал разводить руками.

– Ладно, – остановил его Андрей вовремя, пока друг не взорвался. – Я сейчас позвоню – у нас там есть хороший мед-

вежатник.

Через час два друга были внутри кабинета стоматолога и с широко открытыми глазами изучали вывеску. Они опустили взгляд и с минуту стали в упор смотреть друг на друга.

– Я тебе говорил, что тебе померещилось, Семен, – сказал Андрей. – Здесь написано Белоусова, а не Белозерова. Ты понимаешь: ты прочитал так, как ты захотел. А в школе за это ставят двойки.

Семен впал в отчаяние.

– Помоги мне найти Свету, – попросил он своего друга, сразу перейдя на другую трепещущую тему о жене.

– Как? Я не представляю. Можно ее найти, но у нее, наверное, своя семья, своя жизнь. Она может не принять тебя. По этому случаю есть поговорка: «Дважды в одну реку не вступишь». А вообще, черт его знает. Давай попробуем. Но как?

– Как-как? Поедем на Украину. В Макеевку, где жили ее родители, – предложил Семен, вспомнив ее одноэтажный дом. Он задумался.

Он был на третьем курсе училища, когда Света на каникулах решила познакомить его с ее родителями. Ее отец Тимофей работал инженером на военном заводе, а мать Надежда Николаевна – учительницей.

– Мама, – прокричала Света в телефонную трубку, которую они держали вдвоем полные счастья от ощущения близости и единства, – я приеду через неделю.

– Дочь, ну конечно, приезжай. Будем ждать.

– Я не одна, мама.

– С Таней?

– Нет. У меня для вас будет сюрприз: я приеду с моим парнем. Через неделю они приехали в Макеевку. Одноэтажный кирпичный дом утопал в весенней зелени. Перед домом цвела вишня с созревшими темно-красными плодами. Крапива и длинные стебли сорняка обвили край лавочки под деревянным забором. Первой к калитке примчалась для знакомства Белка, виляя хвостом от счастья, – любимая собачка Светланы, о которой она так много рассказывала. Следом за ней, догоняя, – ее мама, Надежда Николаевна – крупная женщина со светлыми волосами и звонким голосом.

– Какая радость! Вся родня собралась, чтобы встретить вас, – проронила мать.

– А кто дома, мама?

– Тетя Шура с мужем, соседи, твой крестный Виктор Степанович...

– О... папа!

Навстречу им зашагал мужчина среднего роста, в костюме и галстукe. Волосы зачесаны назад, оголяя высокий лоб.

– Привет дочь! А это Семен?

– Так точно, – ответил Семен, протягивая руку.

– Водка, самогон, сало? – сходу предложил Тимофей.

– Папа, ты что! Он не пьет, – быстро среагировала Света.

Семен тогда вежливо отказался, но за столом отведал все-

го и был пьян. Он взял гитару и запел «Подмосковные вечера», все подпевали. Радость была неопиcуемой, воспомина-
ния до сих пор грели душу.

Лена: возвращение из отпуска

Лена вернулась из отпуска, громыхнула ключами и открыла двери в клинику. Она остановилась: чутье подсказывало, что здесь кто-то был: на полу были пыльные следы от обуви. Она задумалась и стала по шкафам проверять, все ли на месте.

Раздался стук в дверь.

– Лена, миленькая! – прямо с порога начала соседка Петровна с округлившимися глазами. – Тут такое было!

Лена напряглась.

– А что было? – спросила Лена, теряя спокойствие.

Петровна, решившаяся вначале на оперативные действия, осеклась: вдруг это неправильно – против власти?

– Ты не знаешь?

– Нет.

Петровна, растроганная внезапностью ситуации, стала думать, сказать или нет.

– У тебя здесь был обыск, – наконец выдала Петровна. – Были: генерал, участковый, пожарник и один гражданский, – в ее глазах был неподдельный ужас.

Лена застыла, боясь перевести дух. Она была удивлена: «Что могло привлечь внимание государственных служб? Налоги плачу исправно, лицензия законная. Стоп, может, этот больной, худой мужик умер?»

– А что они искали?

– Бог его знает. Быстро ушли.

Лена набрала номер телефона дежурной части.

– Алло, полиция? Да... Было проникновение в клинику...

Хорошо, буду ждать.

Участковый, мужчина сорока лет с разросшейся во все стороны фигурой, с болтавшейся кобурой на поясе и с виноватой улыбкой зашел в кабинет.

– Извините, пожалуйста, случилось недоразумение, – начал полицейский. – Да, попался один тип, и мой шеф попросил помочь. Надо было всего лишь прочесть вот это, – он дотронулся до вывески на стене. Ему, видите ли, показалось, что здесь написано «Белозерова» вместо «Белоусова».

Лена заволновалась.

– А что, это имеет какое-нибудь значение?

– Для него да: он сам Белозеров.

По телу Елены побежали мурашки, ноги ослабли.

Заметив, как изменилась в лице Елена, участковый спросил:

– Что-то не так?

– Нет, извините. Все. Спасибо.

Полицейский развернулся и, не понимая, что происходит, вышел, забыв попрощаться. Когда дверь захлопнулась, Елена, выйдя из оцепенения, поспешила за ним и уже на улице его спросила:

– Извините, он не оставил свои координаты или номер те-

лефона?

– Нет, – ответил мент, – ничего не сказал.

– А как я могу его найти?

Мент почесал затылок и хмыкнул.

– Не знаю, как. Вы можете объяснить, что происходит: то он ищет вас, а теперь вы хотите искать его, – он остановил на ней свой обескураженный тупой взгляд в ожидании ответа.

Елена с минуту молчала.

– Дело в том, что эту вывеску мне подарила одна пациентка из рекламной службы, и она там сделала ошибку и написала Белоусова вместо Белозерова.

– Выходит, вы Белозерова?

– Да, моя девичья фамилия Белозерова.

– И какая разница?

Занятая мыслями, Елена, оставив вопрос полицейского без ответа, вернулась обратно. Она не думала, что такие судьбоносные вопросы могут разрешиться так просто. Она вспомнила про его зуб мудрости, который можно отдать на анализ ДНК.

Через несколько дней Лена стояла перед окошком лаборатории по анализу ДНК со сжатыми губами и стесненным сердцем. Прошла неделя, и вот она здесь еще раз. Ей показалось, что те пять минут, в течение которых ей предстояло ждать, превратились в томительные часы. Вдруг в окошке появились руки в белом халате, высунулся листок с заключением, и она быстрохватила его, но разобраться не смогла.

– И что тут?.. – лихорадочно спросила она лаборанта. Ее голос дрожал.

– Выходит, он... ваш ближайший родственник, – произнесла женщина безучастным голосом.

Лена проглотила комок, подступивший к горлу. Образ отца все сильнее креп в ее сознании: его спокойный голос, его благородный поступок, его блеклые глаза. Ее нутро взбунтовалось и не хотело прислушиваться: тягостные чувства сдавили ей горло, ее глаза, ничего не видя, поползли взглядом по стенам крохотного помещения, где она захотела увидеть дневной свет.

– Вам плохо? Не тот ответ? – донесся до ее сознания голос с окошка.

Лена мотнула головой.

– Нет. Спасибо. Он – мой отец, – трагическим голосом проронила Лена.

Вся ее благополучная, размеренная, распланированная жизнь в одну секунду взлетела на воздух. Ее фундамент, на котором зиждился комок ее сформировавшихся за двадцать пять лет жизни чувств, рухнул.

– Ненавижу, – проорала Лена, выйдя из помещения и, спрятавшись за колонну здания, тихо заплакала. – Ненавижу, – слезы текли из глаз ручьем.

Проходившая мимо под ручку пожилая пара остановилась в изумлении.

Лена видела их, но ее ничто не волновало.

– Извините, барышня, – раздался мужской голос, полный любезной учтивости, – вам плохо? Мы можем вам помочь?

Лена не реагировала.

– Оставь ее, Николай! – повелела его спутница. – Может, у нее горе, и мы вряд ли сможем помочь.

Лена продолжала всхлипывать.

– Спасибо. Все хорошо.

Пара развернулась и стала уходить.

– Ненавижу! – услышала пара вдогонку.

– Что я тебе говорила, – произнесла женщина, оглянувшись назад через плечо мужа. – Видимо, парень ее бросил. А красивая такая! Вот молодежь пошла!

– Времена меняются, – вставил муж, – а люди – нет: и в наше время такое бывало.

Пожилая женщина, вспомнив старую обиду, ударила старика по плечу. Они удалились.

Сергей в это время находился на работе, когда на телефоне тихо зазвучала мелодия его жены. Он включил связь.

– Сережа, – от первых же ноток голоса жены сердце Сергея дрогнуло, – мне плохо.

– Алло! – Сергей вскочил так, как будто его ударило током. Сидящие за столом моментально среагировали поворотом головы в его сторону.

Офицер, который занимался разбором нового дела с Торчком, замолк.

– Что случилось? – проорал Сергей, теряя над собой кон-

троль.

– Этот человек, о котором я тебе рассказывала, – мой отец, – ее голос сорвался.

– Где ты находишься?

Молчание, потом ее голос снова задрожал. Сергей, не в силах разобрать, о чем она говорит, выпалил:

– Стой там, я мигом.

Никому не сказав ни слова, Сергей рванулся к дверям.

– Кожин, что случилось? – успел спросить коллега.

Но Сергей уже был в дверях и сказал лишь:

– Потом! – и исчез.

Все переглянулись, изобразив на лице недоумение.

Лена: воспоминания детства

«Выходит, он бросил маму, меня», – думала Лена, приближаясь к кафе, куда должен подъехать Сергей. На нее нахлынули воспоминания самого раннего детства. Мама и бабушка сделали последние приготовления для поездки в деревню к тете Шуре, младшей сестре бабушки, когда к их дому в Макеевку подкатил «Жигули», из которого вылез дядя Витя, с которым мама недавно начала дружить. Он недолго сиял и перестал показывать белые зубы, как только Лена закатила истерику:

– Я не сяду в эту машину! Он – не мой папа!

Света и бабушка, которые подняли сумки, чтобы погрузить в багажник машины, остановились в изумлении.

– Ну-ка, прекрати, – с угрозой в голосе сказала бабушка, – а то поедем без тебя.

– Езжайте! – прокричала Лена и потопала ногами. – Я знаю: вы хотите, чтобы я исчезла и умерла.

– Дочь, ты что?! Где ты научилась так разговаривать?

– Как где, – вмешалась бабушка, – в садике еще не тому научат.

Они так и не смогли уговорить Лену – пришлось отправиться на автобусе. Тетя Шура их встретила с радушием: она выбежала их встречать, перепутав на одной ноге галошу с тапочкой. У Лены было такое ощущение, что она попала в

сказочное царство из книги, которую она любила разглядывать и читать вместе с мамой: много цветов, бабочек, пчел и птиц, а также дворовая собачка по кличке Дина.

Утром одного дня мама, одетая в белый спортивный костюм, разбудила Лену рано – люди и тетя Шура только выгоняли коров.

– Эй, вы куда в такую рань? – спросила тетя Шура.

– Мы решили спортом заняться, – ответила мама, – на пруд на пробежку, да, Лена?

– Да, мама. Только ты быстро не бегай, а то я отстану, и волки могут меня съесть.

– Эх ты, трусишка! – произнесла мама, взяв ее за руку, но когда дошли до пруда, мама перешла на бег, а Лена ее догоняла маленькими шажками.

Пруд штормило, и он откидывал на берег волны мутной воды под самые ноги Лены. Она запомнила, как мама красиво бегала, высоко поднимая колени, и при этом ее косичка светлых волос болталась из стороны в сторону, ударяясь о спину.

– Устала? – спросила мама, не оглядываясь назад...

– Нет. У меня не получается, как у тебя, мама.

– А ты ногу подними выше.

Лена попыталась изменить ритм, ноги зацепились друг за друга, и она с визгом упала.

Мама вернулась назад и стала поднимать Лену, но внезапно стала пристально смотреть позади нее.

– Что там, мама?

– Да там мужик, похожий на твоего папу.

– Мужик, похожий на моего папу? – повторила Лена. –

Где?

– Вон там.

Лена, вся превратившись в зрение, бросила взгляд на деревянный пирс, где высокий мужчина с прямыми волосами в куртке и брюках военного цвета поспешно наматывал жилку на спиннинг. Он повернул голову, и его глаза встретились с глазами Лены. Незнакомец заулыбался и, отняв одну руку от спиннинга, помахал ей.

– Мама, ты видела? – глаза ребенка торжествовали. – Он мне помахал. Может, он наш папа?

– Пошли! – одернула мать ребенка. – Он не наш папа, наш – на небесах.

Лена остановилась и навела палец на небо:

– Вон там?

– Да, малышка.

– Он, как птица, может летать?

– Да.

– Он видит нас?

– Иногда.

Лене в деревне понравилось, и она не хотела уезжать. Ей понравилась тетя Шура, потому что она делала все, что она захочет. Ей понравилась собачка Дина, которая играла с ней, петляя в ее ногах и следуя за ней повсюду, но, к сожалению,

их отношения быстро закончились – у мамы пропало настроение, она куда-то торопилась, и пришлось вернуться в Ма-
кеевку.

На следующий день Света долго не отходила от кухни, молча готовя салаты и песочный торт – любимый торт Лены. Когда наступил вечер, мама накрыла стол, зажгла свечу, сняла с вешалки папину гитару и забренчала. Потом она тихо запела:

– Мама, почему ты меня.

Почему несчастную на свет родила?..

Бабушка, сидевшая в кресле с журналом в руках, тронутая словами, встала и обняла дочь.

– Света, ты разбиваешь мое сердце. Почему же ты не начнешь новую жизнь?

Мама отложила гитару и, глядя бабушке в лицо, сказала:

– Мама, подскажи, как.

– А Виктор что, не приедет?

– Нет, мама, он не приедет больше никогда.

– Почему?

– Эх, мама. Потому что мне пришлось сделать выбор между ним и ней, – она крепко обняла дочь. – Дороже нее на свете у меня никого нет и не будет.

Бабушка открыла рот.

– А для чего ты делала все эти приготовления?

Света склонила голову.

– Сегодня, в этот день, я семь лет назад на Киевском вок-

зале познакомилась с Семеном.

Детский сад

Воспитательница детского сада «Аленушка» Лидия Сергеевна подошла к доске и объявила:

– Сегодня, дети, будем рисовать вот этот цветок, – она указала на картинку, висевшую рядом с доской.

– Ура! Ура! – группа заливовала, зашуршали листы бумаг и посыпались карандаши.

Только одна Лена, сидевшая возле окна, хранила безразличие и молчала, безучастно глядя на дерево, которое росло за окном.

– Леночка, что с тобой? Ты не хочешь рисовать?

– Нет. Я не хочу рисовать цветок.

– Гм. Давай нарисуем тогда вот то дерево, на которое ты смотришь.

– Дерево тоже не хочу.

Лидия выпрямилась – она впервые видела, как пятилетняя Лена проявляла характер.

– А что ты хочешь, малышка?

– Я хочу нарисовать папу, – она подняла взгляд очаровательных глаз на воспитательницу. – Можно?

Воспитательница задумалась.

– А почему папу?

Лена промолчала.

– Можно?

– Конечно, милая.

– А вы мне поможете?

– Да, малышка, – произнесла Лидия, прикоснувшись рукой к плечу ребенка, одетого в белую кофточку, под которой маленькое тело обтягивала футболка белого цвета.

В конце дня, когда мать Лены пришла забирать ее из садика, Лидия была занята, и она не успела попрощаться с девочкой – она их догнала во дворе.

– Извините, мадам, – присев, Лидия обратилась к Лене. – Вы забыли рисунок, – она протянула ей свернутый лист.

Мама Лены заинтересовалась и улыбнулась.

– Что вы там нарисовали?

– Папу, – с улыбкой произнесла Лидия и, увидев мгновенную нервную реакцию мамы, осеклась, и рука, которая разворачивала лист, застыла.

На рисунке был изображен мужчина, которого они видели с дочкой в деревне. Только в руке он держал цветы, и пирс, где он стоял, был сломан и уходил под воду.

Мама от волнения закрыла глаза, затем она вопросительно глянула на воспитательницу. Лидия не понимала, что происходит:

– Что-то не так?

– Нет, – проговорила Света, жестикулируя беспорядочно. – Кто это нарисовал?

– Мы вместе. По ее воображению – деталь за деталью, – сказала Лидия.

Света прикусила губу.

– Кто это, дочь? – спросила мама у маленькой Лены, которая продолжала стоять, глядя себе под ноги.

– Папа, – ответила Лена.

– А почему здесь пирс поломан?

– Он шел ко мне с цветами, и мостик сломался. Это было во сне. Я хотела помочь, но не смогла.

Мама с воспитательницей переглянулись.

– Наверное, не похож, да? – спросила Лидия.

– Она не видела своего папу, – сказала Света. – Он погиб.

Буквально через месяц никто не пришел за Леной, чтобы забрать ее домой из садика. Лидия вместе с малышкой разгуливала по двору в ожидании ее мамы. Вдруг она заметила, как уборщица садика впопыхах выскочила на крыльцо.

– Лидия Сергеевна! Вас срочно к телефону!

– Алло! Это садик? – произнес незнакомый встревоженный мужской голос.

– Да, – ответила воспитательница.

– Извините, пожалуйста, Мы не можем сейчас забрать Лену из садика. Вы не смогли бы на вечер забрать Лену к себе домой? Я позже заеду за ней.

Пауза.

– А что случилось? Почему ее мама не может прийти?

Томительная пауза.

– Ее больше нет, – тихим всхлипывающим голосом произнес незнакомец. – Только что машина сбила ее насмерть.

Лидия уронила телефонную трубку. «Сбила насмерть», – она не знала, как об этом сообщить малышке. Уборщица, стоявшая рядом, наклонив голову, впилась в лицо Лидии.

– Что? – спросила она, явно боясь ответа, – она увидела, как изменилось лицо воспитательницы. – Что-нибудь случилось?

– Да, – ответила Лидия, роняя слезы. – Только что машина сбила ее маму насмерть.

– Какой ужас! – уборщица прикрыла рот, округлив глаза. – Как жаль! Как же ты скажешь ей об этом?

Они вдвоем вышли на крыльцо. Лена стояла у выхода, раскачиваясь из стороны в сторону. Она под нос себе подпевала песенку, которую они выучили сегодня в садике.

– Лидия Сергеевна, ты не знаешь, почему моя мама опаздывает? – спросила Лена детским тонким голосом, скорчив личико. – Она так никогда не опаздывала.

– Не знаю, детка, – ответила Лидия, вложив в эти слова всю свою боль и причастность к ее судьбе. Она с трудом сдерживала себя, чтобы не выдать свои чувства. – Не переживай. Мы сегодня пойдем ко мне домой. Хорошо?

– Нет, – возразила Лена. – Вы идите, а я подожду маму.

Лидия Сергеевна спрятала свое лицо.

Через несколько месяцев она вместе с Леной напишут новую картину, где ее мама будет стоять на ломающемся пирсе с цветами в руке так же, как и папа. Лена вставит обе картинки в одну раму и будет с ними разговаривать наедине с со-

бой, когда ее будут одолевать тоска и полное одиночество...

Сергей, пока ехал до Ленинского проспекта, где она ждала его, вполне представлял себе ее психологический стресс. Он застал ее с отрешенным взглядом, с высохшими слезами, которые оставили размашистые темные пятна от туши для ресниц под глазами. Он никогда не видел, чтобы она пускала слезу или давала слабину своим чувствам, и часто называл ее про себя «железной женщиной», твердой, как сталь, закаленной перипетиями судьбы. Наверное, оттого она так бережно и с любовью относится к своей семье – мужу и маленьким детям – из-за страха потерять их. Сергей, подойдя к ней, взял ее руки в свои и подставил плечо, чтобы она смогла уткнуться в него и дать волю своим чувствам еще раз.

– Лена, я не понимаю тебя: то думала о нем и переживала, а когда нашла – плачешь.

– Ненавижу, – процедила Лена. – Тебе легко сказать. Детей хочу видеть.

– Они в садике, – Сергей понимал, что это заговорил инстинкт матери: желание увидеть близких, когда наступает тяжелый момент. – Но если хочешь, поедem и заберем домой.

– Хочу.

– И дома мы приготовим твой любимый торт – песочный...

– Не хочу.

– Тогда я испеку его без тебя.

– Сережа, я страдаю, а ты шутишь.

– Я на самом деле рад, что нашелся твой отец. Он такой благородный.

– Неправда. Если он такой хороший, почему бросил маму?

– Значит, надо выяснить, зачем он это сделал.

– А стоит ли все это ворошить? У него, наверное, своя семья, которую он любит, свои дети и внуки.

Сергей завел машину и тронулся в сторону садика.

– Я думаю, что стоит. Мало ли причин, о которых мы даже не догадываемся? Ведь бывали случаи после Афганистана, когда из-за увечий люди, не желая стать обузой, расставались с любимыми. Ты не подумала об этом?

– Я не знаю, – она воодушевилась. – А как можно его найти, ведь ни в каких данных его нет?

– Подумаешь! Твоя любимая передача «Жди меня» чего стоит – у них налаженная система поиска. Очень трогательное событие – дочь находит отца через двадцать пять лет.

Лена бросила на мужа покаянный взгляд.

– Извини за черствость, – продолжил Сергей, – у ментов нет сантиментов. В самом деле, зая, не ради шоу, а ради жизни и надежды. Я хорошо знаю, как ты это выстрадала.

Прошло несколько дней, поиски затянулись, душевное состояние Лены ухудшилось: ее продолжали мучить головные боли, беспокойство и сны, она перестала ходить на работу.

Надо было что-то делать, и Сергей сегодня отпросился на работе и приехал домой. Он непривычно для себя встал у

дверей квартиры и замер, прислушиваясь. Он вставил ключ в скважину и тихо провернул. В прихожей было темно. Лишь в конце коридора стена слабо освещалась светом лампы, проникающим через стекло дверей в гостиную. Он снял пиджак, повесил на крючок, затем отстегнул ляжку ремня, на котором висела кобура с пистолетом, собрал в кучу и запихнул в тумбочку.

Лена тихо спала на диване в гостиной, свернувшись в клубок, поджав ноги и скрестив руки. Сергей с минуту стоял, не зная, что делать: будить ее или нет. Когда он стал натягивать одеяло на ее плечи, Лена проснулась. Она раскинула руки, глубоко вздохнув, и потянулась к мужу, который собрался чмокнуть ее в щечку.

– Привет, ты почему так рано?

– Собирайся, милая, я хочу отвезти тебя к врачу, – произнес Сергей тихим голосом.

– Зачем?

– Там мой знакомый врач, и он посоветовал...

– Спасибо, Сережа, – сказала Лена, прерывая мужа. – Мне уже легче, завтра выйду на работу.

– Нет, нет, никакой работы. Только после осмотра врача. Скажет он, что надо ложиться в больницу, – ляжешь.

Она ненавидела войну

Семен проснулся поздно – лучи солнца уже проникли в окно и окрасили подоконник в мраморный цвет. Он потянулся к телефону – он мертв с севшей батареейкой... И странно, что мама не застучала в дверь и не сказала: «Сынок, пора вставать». Он откинул одеяло. Накинул халат и открыл дверь в гостиную. Мама неподвижно сидела в кресле-качалке – это ее излюбленное место напротив телевизора. Ее собачка по имени Улар лежала возле ее ног, положив свою морду на ее стопу, частью обутую в домашние тапочки с пышным шариком на носу. Она с широко открытыми глазами исподлобья смотрела на свою хозяйку – идиллическая сцена.

Семен кашлянул. Никакой реакции не последовало, лишь Улар слегка повела мордой в сторону Семена: «Не мешай»!

– Федоровна! – Семен громко позвал маму.

– Я не сплю, Семен, – тихо ответила мама, открывая глаза. – Я всю ночь не смогла сомкнуть глаз: что-то сон пропал.

– Может, заболела, – предположил Семен. – Я сейчас позову соседку Галину, пусть замерит давление и осмотрит тебя.

– Не надо, – выдавила Федоровна. – Причина не в теле, а тут, – она ткнула пальцем в голову. Что-то воспоминания нахлынули. Слишком ярко и впечатлительно.

– Я знаю, в чем причина, мама, – произнес Семен, направ-

ляясь мимо нее в ванную, – слишком много смотришь телевизор. Включить?

– Нет, не надо.

– А как же твои новости? – Семен зашел в ванную и закрыл за собой дверь. В зеркале он увидел себя и подумал, как же человек все-таки беспомощен перед временем. Он повел рукой по щетине, помял складки, растянувшиеся от носа ко рту, и решил сегодня не бриться: пусть выходной будет и у бороды.

– Я вчера насмотрелась новостей, – сказала мама, когда Семен вышел из ванной, обтираясь полотенцем.

– И что там?

– Ничего хорошего. Из Сирии привезли тела раненых и погибших русских офицеров, – сказала Федоровна стесненным голосом. – Страшно становится оттого, что какой-то матери придется пережить то, что пережила я. Война преследует человечество всю жизнь, хотя каждый – спроси любого – скажет, что ненавидит войну.

Семен промолчал, подошел к полке и стал доставать кофемолку.

– Я не буду кофе, сынок.

Рука Семена, протянутая к полке, застыла, и он повернулся к матери.

– Почему? Ты нарушаешь твою привычку. Может быть, я сварю зеленый чай для тебя?

– Спасибо. Не хочу.

Семен закрутил колесо кофемолки – ежедневный утренний тупой грохот ломающихся зерен. Минута – и кофе сварился. Семен сел за стол, придвинув к себе чашечку с сахаром.

– Мама, а как твои мемуары? Складно и красиво пишешь, как писатель. Не заканчиваешь?

– Нет, сынок, – ответила Федоровна. – Писатель – это не тот, кто может писать, а тот, кто талантливо переживает за других. Эта книга никогда не закончится, – с грустью добавила она. – Когда я умру, передай мои записи другим матерям: пусть дописывают, и пусть эта книга вырастает и станет самой большой, чтобы люди, готовящие войны, задумались. Тогда они поймут, что любая война – это страдание.

– Мама, давай не будем о войне, – с ноткой иронии произнес Семен, сделав глоток и откусив хлеб, намазанный маслом. – Она режет мою память, говори о чем-то другом: о приятных новостях, например...

– Новостей приятных нет, – сказала Федоровна. Улар взвизгнула. Федоровна опустила взгляд. – Семен, у тебя сегодня выходной, выгуляешь подружку?

– Да, конечно, – сказал Семен, собирая крошки хлеба со стола.

– Новостей нет, – продолжила Федоровна. – Мой сериал закончился. Война на Донбассе, в Сирии, Ираке идет на эскалацию. Американцы сбросили мать-бомбу в Афганистане – есть человеческие жертвы. Помыть бы язык тому, кто на-

звал бомбу именем матери. Шизофрения.

– Мама, ты опять про войну, – заметил Семен.

– Семен, у меня здесь, – она наставила палец в грудь, – все горит. «О чем угодно, только не о Светлане, – думала Юлия, – потому что это режет мою память. И я не хочу, чтобы ты поехал на Донбасс».

– Мама, ты боишься, что Света меня не примет, – Семен, сгорающий изнутри, так хотел услышать от мамы что-нибудь о жене, хотя он для себя решил не теребить маму по этому вопросу.

– Я боюсь всего, сынок, кроме смерти, – сказала Федоровна.

– Ты у меня странная, мама: весь мир не боится ничего, кроме смерти, а ты...

– У меня много странностей, сын, – сказала Федоровна, – я единственная старушка в России, которая активно сидит в социальных сетях. И я принимаю чужую боль как свою. Ты посмотри, сколько людей нуждается в моей помощи. Я стараюсь лечить их словом, – она медленно поднесла левую руку к левому глазу и потерла, снимая дымку. – Я тут вспомнила отца и ковырялась в старых фотографиях. Он был блистательным инженером, работал директором Магнитогорского металлургического комбината. Если у нас все работали так, как он, то нетрудно представить, как динамично развивалась бы страна. Он редко приходил домой, отдавая себя целиком работе. Откуда, сын, возьмутся хорошие новости, если кругом

коррупция, которая, как отравленная кровь, течет по сосудистой системе страны, а методы прижигания – я имею ввиду тюрьмы – не помогают: сажают одного губернатора, а следом подходит другой?

В дверь постучали. Вошла соседка Галина.

– Доброе утро, – поздоровалась Галя с порога. – Как ты, Семен? – повернувшись к Юлии Федоровне, сказала: – Последняя капельница, Юлия Федоровна, еще немного – и препараты доберутся до всех клеток сосудистой системы. Вот увидите – здоровье победит.

– Доберется до последних клеток, как коррупция, – пролепетала старушка.

Галина обменялась взглядами с Семеном, который стал расправлять подушку на диване.

– Я не пойму, Федоровна, причем здесь коррупция, – сказала Галина, раскидывая шнур от капельной системы. – Вам бы трибуну в Госдуме или на центральной площади, Юлия Федоровна, чтобы произносить правду-матушку.

– И без меня есть кому говорить, – парировала старушка, – только это никому не нужно. И знаете, почему? Потому что в России умерла старая идея, а новой нет, а страна не может без идеи.

– Мама, ложись сюда, – повелел Семен, указывая на диван. – Хватит политики.

– О чем же говорить, если нельзя ни о войне, ни о политике? – возмутилась Федоровна.

– О здоровье, о лекарствах...

– Лекарства – одни подделки, – продолжала мама порочить время, в которое она живет. – А здоровье – ничто, если болит душа.

– Ну, мама! – резко осадил Семен, помогая посадить ее на диван. – Сегодня же куплю тебе книгу о... – Семен загнулся, не в силах подобрать литературный жанр, который бы смог успокоить расшатавшиеся нервы мамы. Он ушел в свою комнату и через приоткрытую дверь продолжали доноситься отрывки беседы мамы с медсестрой.

– ...Галя, знала бы ты, как мне тяжело видеть страдания моего сына! Болтаю о чем попало, чтобы отвлечь его. Я не хотела бы... – голос перешел на шепот и притих.

– Не может быть! – слышно выронила Галя. – Какой ужас!

Утро следующего дня Семену показалось повторением вчерашнего: он проснулся в то же время, когда солнце осветило подоконник, а в квартире – полная пугающая тишина. Он быстро накинул халат и потащился в гостиную, открыл дверь – и та же картина, что и вчера: собака Улар, положив свою мордашку на стопу мамы, мирно покоилась у ее ног. Она широко открытыми глазами, выпучив белые хрусталики, исподлобья наставила свой неподвижный взгляд на мертвенно бледное лицо хозяйки. Идиллическая сцена.

– Мама! – испуганно закричал Семен. – Мама!

Ответа не последовало: она умерла.

Часть 3

Макеевка

Через неделю после похорон Юлии Федоровны Андрей с женой приехали на Курский вокзал, чтобы проводить Семена на поезд заранее, чтобы поболтать и поддержать его в столь трудный момент в жизни. Семен опаздывал, и Андрей нервничал, думая, не случилось ли что-нибудь непредвиденное. В следующую секунду жена Андрея воскликнула, увидев Семена в толпе, идущей к вокзалу.

– Ух, ты! Какой красавец! Смотри вон туда, – она пальцем указала на высокого, статного, стройного мужчину с сединой на висках, одетого в новый черный дорогой костюм и белую сорочку. Он выглядел великолепно и шел, как на подиуме кинофестиваля. – Он может влюбить в себя кого угодно, не то что жену, – прозаически добавила она.

Андрей наконец заметил друга в толпе:

– Вот те на! – воодушевленный возглас. – Я помню, как они любили друг друга, и я честно боялся, что любовь может оборваться, и до последнего времени меня мучил вопрос, как она могла его бросить. Оказывается, это был не ее выбор.

– Трудно об этом судить, Андрей, – сказала Таня. – Когда об этом думаешь, мурашки начинают бегать по телу. Не дай

бог никому этого пережить.

Семен приблизился с саквояжем в руке.

– Ну, ты даешь, старик, – произнес Андрей. – Да тебе в кино сниматься надо! Выглядишь на все сто.

– Сколько времени? – спросил он, оставив реплику друга без внимания.

– У нас еще минут пятнадцать, – произнесла Татьяна. – Пойдемте, кофе попьем – и она рассказала Семену, как себя вести и что сказать ей, со своей женской колокольни.

– Но в любом случае не расстраивайся, Семен, – назидательно произнес Андрей. – Может, наладятся хорошие отношения, и я уверен: тебе будет легче – тяжелый камень долой с плеч.

Сойдя с поезда на перрон вокзала Макеевки, Семен почувствовал себя не в своей тарелке от ощущения того, что расстояние между ним и ней сократилось. Его переполняли чувства непередаваемой силы. Он оглянулся по сторонам: здесь ничего не узнать – все изменилось. К нему подошел парень кавказской внешности, предлагая такси. Он погрузился на заднее сиденье машины, испытывая сильное угнетение: «Что, если она не захочет со мной даже поговорить?»

– Куда, отец?

– Точно не знаю, молодой человек. Улица Шевченко, но номера не помню. Давай по ходу дела.

– Давайте, поехали.

– Ах, подождите, – сказал Семен, спохватившись. – Мне

бы цветы купить.

– Нет проблем, – он подъехал к тротуару, обставленному цветами по сторонам. – Вы выйдете или мне купить?

– Без разницы.

Таксист обошел машину спереди.

– Какие взять? – спросил таксист, разводя руками: мол, огромный выбор.

– Самые хорошие, – произнес Семен, пальцем указывая через опущенное стекло заднего сиденья на красные розы.

– Сколько штук, отец?

Семен считал про себя и замешкался с ответом:

– Пятьдесят три.

– Ух ты! Так много! И кто же эта женщина? Ну, вы даете!

Продавцы с разных сторон атаковали таксиста, предлагая свой товар.

Они ехали по совершенно незнакомым для Семена улицам, и в одном месте он увидел дом в руинах.

– Это что, после бомбежки?

– Да, отец.

– Меня зовут Семен Павлович.

– Меня Арон, – он тепло улыбнулся. – Брат убивает брата.

– Какая мерзость, – с негодованием произнес Семен. – Если политик тупой – это беда для народа, а если он еще продажный – это катастрофа. От избытка любви к родине у них появилась идея – национализм. Не понимают, что националист – это не тот человек, который любит свой народ, а тот,

который ненавидит чужой.

– Точно, Павлович, – подтвердил Арон. – Гитлер уничтожил миллионы немцев не от любви к ним, а от ненависти к другим. Точно. В политику нельзя пускать людей, которые могут ненавидеть других.

– Их туда не пускают, Арон, туда они сами приходят через головы других. А политика – это уже как лошадь: куда узды потянут, туда она и пойдет, – Семен говорил машинально, а думал совершенно о другом – об образе, который стерся с памяти и который он никак не мог восстановить: глаза, губы, нос...

– Вот и улица Шевченко, – сказал Арон, поворачивая направо. – Вы смотрите, какой номер, – я буду ехать медленно. Семен насторожился и притих.

– Я вообще-то не и интересуюсь делами клиентов, но тут особый случай – пятьдесят роз. Что, невесту нашли, Павлович?

– Это очень длинная история, Арон. Я предпочитаю молчать. Не обидишься?

– Нет, что вы! Я армянин, и у нас есть поговорка...

– Стоп! – воскликнул Семен, увидев со своей стороны обветшалый, брошенный дом, возле забора которого все еще держалась лавочка, одним концом упиравшаяся в вишневое дерево.

Арон наблюдал за своим пассажиром сбоку и увидел, как разжалась рука, державшая букет роз. Старик мешкал, время

шло. Семен положил цветы рядом, толкнул дверь и вылез. Он неуверенной походкой стал приближаться к дому. Подойдя ближе, он снял круг из проволоки, стопорящий калитку, открыл ее и зашагал внутрь. Входная дверь была заперта. Он обошел дом, глядя на окна и старые стены с потрескавшейся штукатуркой. На земле лежал спущенный выцветший от времени резиновый мячик, он его подобрал, думая, сколько детей Светы с ним играло. Он покрутил его на руке и бережно положил в угол между конурой и стенкой дома. Немного думая, он вышел со двора и направился к соседям, чтобы выяснить, куда подевались жильцы. Первый и второй дома были заперты, а в третьем он нашел старую женщину лет восьмидесяти, которая расхаживала по двору с палкой в руке.

– Извините, пожалуйста, вы не знаете, где жильцы в третьем доме от вас?

– Что вы сказали? – она дернула головой – болезнь Паркинсона. – Я не расслышала...

Семен громко повторил вопрос.

– Я не знаю, сынок, – сказала женщина. – Я не местная. Я родом из Луганска. Я там потеряла семью после бомбежки, будь они прокляты...

– Извините, я лишь хотел узнать у вас...

– Я же говорю: я здесь никого не знаю.

Входная дверь, окрашенная в голубой цвет, открылась, и оттуда вылезла маленькая белокурая девочка лет пяти–шести. Несимметричные косички, помятая юбка, на ногах – та-

почки с дырками в местах больших пальцев. Она наклонила голову набок и прищурила глаза.

– Дядя, а как вас зовут?

Семен, сраженный вихрем впечатлений, молчал.

– У вас нет имени, – детка продолжала свои расспросы. –

А как вас мама родила?

– Иди домой! – возмущенно повелела старуха. – Это моя внучка, – она сделала два шага к Семену и тихо, как бы на ухо добавила: – Она осталась без отца и матери. Их убили...

Семен, извинившись, стал отворачиваться под режущий слух вязкого голоса сумасшедшей старухи.

– Вы моего папу не видели? – вдогонку услышал Семен звонкий голос девочки, которую, видимо, держат в неведении, обманывая каждый день.

Он не ответил, потому что он не мог: комок, подступивший к горлу, сдавил его голосовые связки.

В нем прибавилось смелости, и он решительно вернулся к дому, чтобы войти внутрь любым способом.

Таксист стал возмущаться:

– Павлович, я спешу.

– Подождешь, – строго, по-военному, ответил Семен.

Таксист притих.

Семен зашел во двор, поднялся по ступенькам на крыльцо, взялся за висячий замок и с силой дернул. После недолгой раскачки замок поддался и открылся. По мере того как Семен углублялся внутрь дома по коридору, его сердце би-

лось все сильнее. Был слышен запах сырости, видна была паутина по углам, и Семен сделал вывод, что в этом безжизненном пространстве давно никто не живет. Ему стало тяжело дышать и двигаться. Из коридора он сразу попал в гостиную, и ему бросилась в глаза его гитара с наклейкой Дина Рида. Он остановился и перевел дыхание, его рука потянулась к гитаре, думая, что там остался отпечаток руки его любимой. Он понюхал запах дерева, затем скользнул пальцами по струнам – дребезжащий звук, который она слушала и любила. Его отрешенный взгляд переместился на картинку, нарисованную карандашом, которая висела над диваном. Стоп! Это что? «Мужчина и женщина с цветами в руках на краю ломающегося и уводящегося под воду пирса» Семен онемел – он мгновенно прочитал смысл картины и то, что она хотела передать. Повесив гитару на место, он выскочил из дома.

Таксист, увидев выражение лица своего пассажира, испугался: он был бледный, но застывший подбородок не давал скорбным складкам расходиться по краю рта и крыльям прямого носа.

К ним спешно приближался старик с противоположной стороны улицы. Он остановился и поднял взгляд на Семена.

– Кто вы такие и что вы здесь ищите?

Семен растерялся.

– Это дом моей жены Резниченко Светланы.

Старик приблизился и слезящимися глазами стал всмат-

риваться в лицо Семена:

– Семен?

– Да, тот самый.

– Не может быть, вернулся с того света, – он опустил голову, потом отвел взгляд в сторону, не в силах переосмыслить услышанное. – Она так любила тебя, ждала тебя.

«Ну, спроси, – приказывал себе Семен. – Спроси!» У него язык не поворачивался, чтобы спросить: «А где она?»

Старик потух, вздохнул, согнулся и стал отходить.

– Отец, я что-то вас не помню. – Семен застыл с протянутой рукой. – А где она?

– На кладбище, – старик отвернулся, повел пальцами по глазу, и потопал в обратную сторону.

Таксист с расстояния наблюдал за Семеном и стал строить догадки, почему он скис и растерялся. Время шло. Таксист прокричал:

– Семен, поехали! Что случилось, Павлович?

– Поехали!

– Куда?

– На кладбище.

У таксиста в недоумении вытянулось лицо.

Охранник кладбища долго листал толстую книгу, затем взял другую, постарее, потом еще. Семен не мог ни о чем думать. Он сейчас боялся, что этот мужик с бледным лицом зачитает имя его жены. Так и случилось: он поднял взгляд с безразличием и зачитал: «БЕЛОЗЕРОВА СВЕТЛАНА ТИ-

МОФЕЕВНА. 1988 год. Пятый ряд».

– Она умерла? – спросил Семен, потеряв контроль над своими словами и мыслями.

Сторож округлил глаза.

– Выходит, да, – сказал мужик с холодным взглядом, закрывая книгу записей. – Умерла.

Семен шел среди надгробий с охапкой цветов, покачиваясь из стороны в сторону с помутневшим разумом – бледный, убитый, с чувством вины и отчаяния.

«В тот прощальный день Света с утра была в странном настроении: ее поддельная улыбка напоказ была смешана с безысходным ожиданием конца света. Как только они приехали на вокзал, она попросила его пройти в тот зал, где они впервые увиделись. Она, попросив двух мальчиков освободить ту скамейку, посадила его туда, грустно сказав:

– Здесь началась моя любовь, Семен, – она положила руку на скамейку. – Если тебя долго не будет, я буду приходить сюда, чтобы общаться с тобой, любимый.

Семен сел на поезд, она осталась на перроне. Поезд тронулся, и она бежала вслед за ним, махая рукой. Семен все время рисовал себе эту картину, где он хотел вернуться к ней обратно, чтобы взять ее теплую руку в свою и больше не опускать ее никогда».

Вот она. Гранитный камень серого цвета с фотографией посередине: ее открытые глаза смотрят на него издали – с того света.

Семен лихорадочными движениями распутал тонкую проволоку и ступил на могилу. Он припал лицом к холодно-му фото, и его мужественный подбородок задрожал.

Арон, чтобы удовлетворить свою любознательность – эти 53 розы не давали ему покоя – решил так просто пройтись за Семеном. Но потом горько пожалел: он не любил и не желал быть свидетелем человеческого горя и, увидев душераздирающую картину, вернулся к машине и свернулся за рулем в комок – о переплате за простой такси не могло быть и речи.

Семен вернулся домой, нажал на кнопку двери. Не имея терпения, нажал еще раз.

– Семен, ты? Так быстро? Ты ее нашел? – с волнением спрашивала его тетя Виктория – она осталась с Семеном на некоторое время, как и обещала своей сестре перед ее смертью.

Семен, не сказав ни единого слова, прошел в кухню и молча встал возле стойки, где он обычно готовил кофе.

– Семен! Ты меня не слышишь? – ему в спину спросила Виктория.

– Да, я нашел ее.

– А почему молчишь? Где она?

Снова молчание и тишина.

– В могиле, – пауза. – Она погибла через семь лет после нашей разлуки...

Виктория округлила глаза и приставила ладонь ко рту.

– Какой ужас! – уронила она. – Да, Семен, не жизнь у тебя,

а роман. Ты столько выстрадал. Я была уверена, что у тебя начнется новая жизнь.

– Нет, – трагически сказал Семен. – Больше в моей жизни ничего не будет.

– Ты не отчаивайся, ты... – безудержно стала лепетать тетя Виктория. – В Библии написано...

Семен медленным движением потянулся к полке за сигаретой, последней в пачке, затем взял чашку с кофе, ушел на балкон и закрыл дверь, перекрывая монотонный монолог Виктории Федоровны, – ее слова не помогали.

Он сделал глубокую затяжку, и он почувствовал, как никотин обволакивает его мозги, приводя нейроны мозга в движение, – и на мгновение он вновь вернулся в Афганистан.

Он остановил «УАЗик» далеко от кишлака, и как только отпустили главного моджахеда в темноту, за спиной раздалась автоматная очередь. Только сейчас дошло до Семена, что они сделали ради спасения друга. Руксат отстреливался, а Семен гнал машину во всю мощь. В один момент перед его глазами вспыхнул яркий свет, и он ослепил его. Яркая вспышка – полная тишина, потом – невыносимая боль.

С балкона квартиры он видел внизу людей, которые сновали в разные стороны: кто в магазин, кто на работу, но ему никуда не надо. Он еще раз поднес руку с сигаретой к губам, вдруг его заштормило, и он, потеряв контроль над своим телом, пошатнулся и тихо по стенке сполз на пол. Полная темнота и никаких чувств.

Лена в больнице

После осмотра врач попросил Лену подождать в коридоре, но ее муж остался у врача для обсуждения деликатного вопроса о состоянии ее здоровья.

– Это синдром Шульца, – сказал врач, глядя на Сергея. – У нее проблемы морального свойства, с которыми она не в состоянии справиться.

– Это серьезно, Виктор?

– Я выписал лекарства, – продолжал невропатолог. – Видишь ли, они не могут кардинально помочь, если не решить саму проблему.

– Понятно, – выдохнул Сергей, опустив глаза на свои руки, которые покоились на коленях. – Значит, надо искать ее отца.

Доктор не понял и помотал головой. Сергей в двух словах объяснил ему, кто является источником ее душевных переживаний.

Доктор, кивая головой, сказал:

– Да, конечно надо всеми силами помочь ей, чтобы не случились осложнения.

Лена тихо сидела в коридоре клиники и ждала мужа в полной прострации среди больничного шума и суеты. Только что перед ее глазами два врача поспешно пронесли каталку с больным в сопровождении шокированных родственников

– двух мужчин и одной пожилой женщины.

Лена откинула голову на спинку кресла и закрыла глаза, чувствуя полное опустошение. И между этими событиями протекает жизнь: одни живут счастливо, другие – в нужде, а третьи – в ожиданиях...

Дверь кабинета открылась, и ее мысли прервались: Сергей с доктором вышли из кабинета. Доктор хотел что-то сказать и открыл рот, но тут же перед его глазами выросла обескураженная медсестра:

– Извините, Виктор Степанович, привезли тяжелобольного. Нужно срочно что-то предпринять.

– Кто такой?

– Знаю только, что он инвалид военный.

По дороге домой Сергей купил все лекарства по рецепту врача – целый пакет – и, кладя его на заднее сиденье, сказал:

– Попьешь – и все будет хорошо.

– Сережа, я хочу поехать в Макеевку на могилу матери.

– Тебе повезло, дорогая, – произнес Сергей с улыбкой.

Лена повернула голову на подголовнике и вопросительно посмотрела на мужа.

– Доктор сказал, чтобы я выполнил все твои пожелания. Я готов хоть сейчас: детей отдадим маме – и вперед, на Донбасс.

Лена медлила с ответом.

– Ты не забыл обратиться в «Жди меня»?

– Я отправил им сообщение и получил ответ: они будут

искать его.

– Как думаешь, как быстро они это сделают?

– Не знаю, милая, но я их снова попрошу, чтобы ускорили. – Спасибо, – она подалась к двери на край сиденья, свернулась, как кошка, и положила голову на его колено. – Спасибо.

Она нуждалась в ласке и теплых словах.

Почему то ты?

Через два дня они оказались в Макеевке, в том месте, где Семен покупал цветы. Продавцы громко разговаривали, шутили и смеялись.

– Московская машина, – громко сказал один в очках.

– Не дождетесь – оптом по пятьдесят три розы больше никто не купит, – вставил другой.

Сергей слышал их диалог, но не придал значения, купил один букет и, проезжая мимо старого дома по улице Шевченко, остановил машину.

Сергей ждал: выйдет Лена или нет. Она, затаив дыхание, смотрела на дом, на крышу, на забор – детство мчалось перед ее глазами, как в ускоренном фильме, но отдельные кадры окрашивались в яркие цвета.

– Мне в тот день исполнилось пять лет. Мама, уходя на работу, всегда будила меня, чтобы попрощаться до конца рабочего дня: «Смотри, никуда не уходи, оставайся с бабушкой и помоги ей по дому». Странно, все ли дети воспринимают слова родителей наоборот? Я тогда впервые решила уйти из дома без спроса, – она рассказывала тихо, без эмоций. – Здесь по ближайшим домам мы все друг друга знали, и несколько ребят собрали свои игрушки и пошли за сарай вот того дома, – она указала на пятый или шестой дом, Сергей пригнулся и выглянул через лобовое стекло. – Мы расстели-

ли старое одеяло, раскинули игрушки и решили ждать, когда мама позовет нас на торт... Но в один момент мы услышали треск и увидели дым – загорелся стог сена за сараем. Оказалось, что его поджег наш сверстник Вова. Все в округе прибежали с ведрами с водой и вилами. Потом устроили Вове допрос: «Ты почему поджег сено, Вова?» Он, съезжившись, шмыгал носом и молчал. Мама умела общаться с детьми, и все ей доверяли. Она вмешалась: «Малыш, тебе ничего не будет – никто не собирается тебя бить. Мы боимся, что ты завтра начнешь поджигать сена по соседским домам. Скажи, почему ты это сделал?»

– Он поднял голову и пальцем указал на меня. Все ахнули, мама тоже. «Она подожгла?» – «Нет, я поджег». – «А она причем здесь?» – не унималась мама. Вова чистосердечно признался: «Она в подарок на день рождения захотела большой костер, – ответил он. – И я поджег». Столько смеха было! А за Вовой закрепилась кличка Поджигатель.

– Интересно, где он сейчас? – поинтересовался Сергей.

– Воюет, наверное, – грустно сказала Лена. – Он недавно мне писал.

Еще с минуту они молча сидели, но потом Сергей спросил: – Не хочешь заходить?

– Нет. Я боюсь – я заплачу, – она с шумом втянула воздух в легкие. – Поехали!

Сергей подумал, что она бережет слезы, чтобы дать им свободу на могиле матери.

Весна вступила в свои права: то там, то здесь в глаза бросались сиреневые деревья как символы весны и пробуждения. Воздух был чистым и прозрачным. «Но на лицах людей нет радости, вот что делает война с людьми», – думал Сергей.

Из ворот кладбища вышли двое, у женщины с траурным платком глаза заплаканные.

Приближаясь к могиле тещи, Сергей сжал свое сердце, чтобы не отдаться чувствам из-за Лены. Еще издали, увидев на могиле охапку роз, Лена ускорила шаг. Все ее внимание было приковано к букету цветов. Ее глаза были широко открыты, дыхание было сбито. Она подошла близко к камню, приложила щеку к фотографии матери, потом нежно провела по нему рукой. Потом она опустила цветы, которые она держала в руке, но ее внимание все время было приковано к большому букету. Она их обхватила обеими руками и принюхалась – свежие. Она встала.

– Откуда они? – она хотела узнать ответ на таинственный случай. – Не ошиблись?

Сергей профессиональным глазом в глубине букета заметил белый лист бумаги, нагнулся, сунул пальцы в глубину букета и достал свернутый и помятый лист. Он прочитал, щуря глаза, – слова тронули его до глубины души.

– Что там? – сердце Лены вырывалось из груди. – Что там, Сережа?

Сергей опустил руку, Лена вырвала листок из его руки и увидела свежую надпись каракулями:

*«Я привык вместо слов слушать тишину.
И видеть тебя во сне как наяву.
Человек и разлука – не умирает любовь.
Ты отдала мне все,
Взамен – ничего: набор легковесных слов.
Я твоё счастье забрал, прости.
Надежду и веру я украл, прости.
Живые засыпаю сегодня цветы.
Кровь застывает: почему это ты?
Твой Есенин».*

Лена, краснея и в полной растерянности:

– Кто это?

Сергей помотал головой:

– Не знаю.

Лена опустила голову и ослабевшую руку с бумажкой.

– Я знаю: здесь был папа, – она уверенно подняла глаза. –

Спросим у сторожа.

Женщина-сторож была в курсе.

– Вы даже представить себе не сможете, какой мужчина был здесь: высокий, – она подняла руку, – красивый, с седой по вискам и усами, богатый – щедро заплатил нам.

– Он не сказал, кто он? – спросила Лена, прерывая пафосный монолог.

– Нет. Я его не видела.

– Как не видели?! А описываете, как будто...

– Мне его описал другой сторож. Я тоже хотела бы увидеть его.

– Спасибо, – от напряжения и тревожных предчувствий у нее пересохло в горле: «Я должна его найти».

– А кто он вам? – вопрос женщины вдогонку.

– Он мой отец, – себе под нос тихо произнесла Лена.

Машина уже приближалась к Москве. Красивый ландшафт: зеленые поля, которые разделяли лесные полосы из берез, – Россия. Встречный ветер задувал в приоткрытое окно свежие запахи со стороны полей, создавая неугасающий шум, к которому Лена уже привыкла, как к музыке. Лена вернулась к своим тяжелым мыслям – они не отпускали ее, наполнившись новым содержанием, и она столько времени ехала молча, привалившись к креслу всем своим существом. Хотя шуршание шин навевало дремоту, она не могла сомкнуть глаз, а планировала ускорить поиски отца. Она еще раз развернула листок со стихами: «Я отнял твое счастье, прости», увидела свежую каракулевую надпись. Затем со вздохом вновь прижала голову к подголовнику.

– Тебе плохо? – спросил Сергей, потянув правую свободную от руля руку и приложив ее на руку жены. – Может, остановимся на привал?

– Ты устал и хочешь отдохнуть? – спросила Лена. Ее голос звучал устало. – Если хочешь, я могу сесть за руль.

– Да, нет. Я не устал – буду вести машину.

Через некоторое время телефон Сергея, лежавший в

ямочке возле рычага скоростей, зазвенел, моргая светодиодом сбоку. Лена зашевелилась, подумав, что это ее дети, которые остались у бабушки.

– Алло! – Сергей сразу напрягся. – Да, – он стал притормаживать машину, сворачивая к обочине.

– Кто? – с нетерпением спросила Лена.

– Ручку и бумагу, – велел Сергей. Он стал записывать адрес. – Спасибо большое, спасибо, – он сделал глубокий выдох. – Это из передачи «Жди меня». Я поздравляю тебя, милая: твой отец нашелся. Надо еще заехать в военкомат – попросили там забрать какие-то документы.

Лена, прочитав адрес, не могла сдержать свое волнение.

– Боже мой, он же живет в соседнем квартале, в двух шагах! Я уверена: мы могли лбами столкнуться в магазине, кафе, библиотеке. Может быть, много раз я видела его, а он меня. Боже мой, какая несправедливость! Природа, земля, небеса не могут помочь своим творениям. Почему?

– Лена, надо радоваться, – сказал Сергей поучительно. – Вы уже нашли друг друга. Я поеду в «Жди меня» и отблагодарю их – это единственная передача, которая на самом деле занимается судьбами людей, не то что мещанские шоу, вызывающие низменные животные чувства без совести и сострадания.

– Столько лет, Сережа. Он живет рядом, и, наверное, поэтому он мне так часто снился по ночам, приводя меня днем в отчаяние. И тебе доставалось. Прости меня.

– Ну, что ты, дорогая! Я люблю тебя, – Сергей потянулся, преодолевая сопротивление ремня безопасности, и чмокнул её в щечку.

Возвращение в настоящее

Они зашли на второй этаж дома, окна которого смотрели в палисадник, полный клумбами разноцветных благоухающих цветов. Одинокая пчела зависла в сантиметре от середины цветка, включив на полную мощность силу своих крыльев, чтобы удержаться и подумать, как лучше опылить цветок и достать из самой середины весь нектар. Эйнштейн сказал: «Человек будет жить на земле до тех пор, пока живут пчелы».

Подъезд чистый и ухоженный. Лена не давала волю своим мыслям, чтобы подумать о другой семье отца, где, может оказаться, не будет места ее детям. Неважно, главное – увидеть отца и прижаться к его груди, чтобы почувствовать себя маленькой девочкой из детского садика.

Лена стояла перед железными дверьми в нерешительности. Ей казалось, что сердце выпадет из груди. Она подняла руку к звонку и тут же опустила.

– Я не могу, Сережа. Не могу.

Сергей нажал на кнопку один раз, потом второй, но никто не отзывался. Они переглянулись.

– Наверное, нет дома, – предположил Сергей.

Лена молчала.

Щелкнула металлическим звуком соседская дверь, и в дверях появилась тучная женщина в домашнем халате.

– Что вы стучите? – возмущенно спросила женщина. – Вы же видите, что там никого нет.

– Извините, – виновато произнес Сергей. – А где они?

– А вы кто? – подозрительно спросила соседка. – Я вас впервые вижу.

– Я – его зять.

Женщина скривила лицо.

– Что вы гоните! Какой зять! Какая дочь! Он – одинокий несчастный человек...

– Я знаю, – согласительно кивнул головой Сергей. – Она – его дочь, – Сергей указал на Лену. – Она вот только нашла своего отца.

Соседка надулась и стала жестикулировать, но голос секунду не выходил. А потом понеслось:

– До чего народ опустился! Как вам не стыдно: человек еще не умер, а вы тут как тут за имуществом. Бессовестная! Он, бедный, извелся весь, искал тебя.

Сергей не выдержал и вытянул руку.

– Да подождите вы...

– Не подожду! Проваливайте отсюда, – прокричала женщина во весь голос. – Уходите!

Лена, молча выслушивавшая оскорбления, тихо взмолилась:

– Ради бога, скажите, в какую больницу его увезли. Пожалуйста!

Женщина утихомирилась от вкрадчивого голоса Лены и

установилась на ее доверительные черты лица, чем-то напоминающие соседа.

– В первую городскую, – проворковала женщина, застывшая от неожиданного открытия: «В самом деле, она его дочь». – Два дня назад его забрала «скорая помощь», – с горечью выдавила женщина. – Он сейчас в реанимации, умирает.

* * *

Андрей Юрьевич обвел взглядом унылое пространство отделения реанимации, где уже вторые сутки его друг продолжал оставаться в коме. Вместе с ним были шеф Игорь и родная тетя Семена, приехавшая из Омска – Виктория Федоровна.

– Плохое место, – выдавил Андрей после длительного молчания. – Здесь люди рождаются и умирают.

Игорь искоса глянул на Пашу.

– А Семен любил говорить: «Люди рождаются по закону, а умирают по случайности».

– Точно, – поддержал Андрей. – За ним такое водится: точности и формулировки.

– Извините, а вы кем приходитесь Белозерову? – спросил Игорь, мучавшийся в догадках.

– Я его друг, – тихо, со смыслом произнес Андрей, поглаживая щетину на подбородке.

Игорь продолжал смотреть на Андрея, получив детский ответ на душевный вопрос. И это Андрей понял и добавил:

– Мы вместе учились в военном училище и вместе воевали в Афганистане. Вы знаете такую страну, молодой человек?

– Хм... Боевая дружба – самая сильная дружба.

– Конечно, – вставил Андрей, – особенно если отношения прошли испытания в бою. Он спас мне жизнь, то есть расплатился своим здоровьем за мою жизнь.

– Как это?

– А вот так, – произнес Андрей и далее коротко рассказал о подвиге Семена.

Игорь слушал с открытым ртом.

– Интересно, он мне этого не рассказывал.

– Настоящий герой не рассказывает о своем героизме – он это сделал не для других, а для себя. Это линия его жизни. Понимаешь?

– Не совсем, все запутано, – сказал Игорь, затем, глядя в глаза Андрею, с иронией продолжил:

– Андрей Юрьевич, вы уже здесь с самого утра, ваша дивизия без вас не разбредет?

Андрей оттолкнулся от спинки, потянулся и зевнул, потом посмотрел на Игоря сверху вниз.

– У меня отпуск, молодой человек. Заслуженный отпуск, – выговорил Андрей с довольным акцентом.

– Скажите, а Семену Павловичу дали орден или какую-ни-

будь награду за героический поступок?

– Нет, ему ничего не досталось, – ответил Андрей с сожалением. – Во-первых, как тогда сказал Коваленко, он нарушил Устав, то есть, просамовольничал, проведя несанкционированную операцию по спасению друга. Во-вторых, он потерял офицерские документы.

– А вы бы как поступили на его месте?

– Точно так же, как и он.

– Семен вернулся лечиться в Москву, а вы остались в Афганистане. Дальнейшей службой вы доказали, что вы способны на это?

Брови Андрея сдвинулись к переносице.

– Послушай, парень, я начинаю чувствовать себя как на суде. Не забывайте, что я генерал.

Игорь рассмеялся.

– Да, я доказал и сделал много чего, чтобы быть достойным поступка Семена – у меня все-таки два ордена Красной Звезды. Если хочешь, давай поболтаем!

– Давайте.

– Когда я получил отпуск, первым делом я навестил Семена в Москве. Еще не войдя в ворота клиники, я через решетчатый забор на лужайке увидел много отдыхающих раненых афганцев, без рук, без ног и меня затошнило. Семен был еще слаб, но тихо шел на поправку. Когда я стал уходить, он мне вручил конверт. Там была карта Афганистана и его предложения по войне: он предлагал действовать против по-

встанцев их же методами: засады, налеты, обходы. Он придавал большое значение подвижному и воздушному минированию местности на путях отхода и подхода мятежников, а также: авиационные удары по труднодоступным горным районам, захват высот, нависающих над ущельем; действие подразделений по дну долины или ущелья под прикрытием боевых групп, продвигающихся по господствующим высотам, глубокий маневр батальонами по сходящимся направлениям в пешем порядке по гребням высот. Вообще, целая теория локальной войны. Одним словом, находясь в больнице, он как стратег и настоящий офицер продолжал думать о тех, кто остался в Афганистане. Придя в часть, я ознакомил штаб с теорией Семена – командир с воодушевлением принял информацию к сведению. Меня назначили командиром истребительного батальона. Я тебе расскажу лишь один эпизод, хотя таких было пять. – Андрей вздохнул. – Было лето и очень жарко. Днем мы прятались, одевшись в афганское барахло, а по ночам шли к цели – к пакистанской границе. Мы заняли позиции и стали ждать: час, два три... Жара, ткань липнет к телу, жажда мучает – глоток горячей воды из солдатской фляжки кажется вкуснее меда – и азарт охотника, когда забываешь, что такое опасность, которая поджидает тебя за каждым кустом, за каждой скалой: было такое ощущение, как будто тебя привили на иммунитет от вражеских пуль. Где-то в середине ночи горизонт прорезал луч света, и, наконец, я вздохнул с чувством облегчения. Нас было две-

надцать человек. Я дал команду приготовиться к бою.

Ночь была тихой, нежной, мирной. Дневной зной отошел и дул приятный ветерок. Перед нами распростерлась ночная загадочная и зловещая долина.

Колонна двигалась зигзагами, свет фар бродил по ночному небу, но шла в одном направлении – к нам, прямо в капкан. Я обошел позиции, нащупал установленный на каждом автомате и пулемете прибор НСПУ, прицелил сектор обстрела и поменял некоторым солдатам позиции. Прижавшись к камню как к спасителю, я стал думать, сколько их там может быть: человек двадцать, тридцать, может больше. Но у нас было большое преимущество – мы начнем стрелять первыми, а там они, наверное, еще и спят. Я по радиации доложил в центр. – По лицу Андрея было видно, что картина из прошлого проплывает перед его глазами как наяву. – Когда колонна подошла вплотную, мы открыли огонь и путникам не оставили никакого шанса. Затем надо было проверить содержимое грузовиков. Я и еще двое солдат стали приближаться, а остальные держали все под прицелом. Когда я подошел к кабине грузовика, я увидел лежащего вразвалку моджахеда и то, как он мгновенно достал из-под бока автомат. Я помню его глаза, залитые кровью и звериный оскал зубов: он опередил меня на доли секунды и нажал на курок. – Андрей сник и с минуту молчал. – Я видел много раз, как умирали солдаты, а на этот раз под прицелом душмана я видел мгновенную собственную смерть, растянутую во времени. В мыслях

я разделил участь тысяч погибших воинов – я был не лучше их, не защищеннее их. Я запомнил навечно образ моей смерти...

Игорь остался сидеть, наострив уши.

– Андрей Юрьевич, я что-то вас не пойму, он вас убил что ли? – спросил ошарашенный Игорь.

Андрей повернулся к нему лицом.

– Как видишь, – с легкой иронией проронил Андрей. – Автомат не сработал – в его затвор минуту назад попала пуля, может быть, от меня. Я обливался холодным потом и долго не приходил в себя. Каково быть убитым на войне...

– Да, очень трогательная история, – серьезным тоном сказал Игорь. – А второй орден за вторую колонну?

Андрей как будто не слышал – он еще не вышел из того боя. – Что?

Игорь повторил вопрос.

– Нет. Это за высоту Сатукандав.

* * *

– Расскажите: у нас много времени, пока Семен Павлович очнется.

Андрей уже был другой, он повел взглядом по коридору больницы – все те же скорбные лица, которые лелеют надежду, как и он.

– В завершение войны, чтобы усилить роль правитель-

ственной армии была проведена совместная операция под кодовым названием «Магистраль» под руководством командующего 40-й армией генерал-лейтенанта Б. В. Громова. Она прошла успешно – потери были минимальными. Это говорило о том, что советская армия набрала опыта ведения локальных войн и начала чувствовать себя уверенно на всем пространстве Афганистана. Целью операции была деблокирование дороги в окружной центр и оттачивание мастерства правительственных сил. Я же участвовал в десантном полку под руководством полковника Грачева по захвату перевала Сатукандав. Мой батальон быстро занял господствующую высоту и стал прикрывать подъем других групп на хребет. Когда артиллеристы начали канонаду по укрепленным форпостам противника, он начал в панике беспорядочно покидать свои позиции. Тогда мы, не мешкая, ударили по флангу и зашли в тыл – так был захвачен важнейший оборонительный узел – ключ ко всей обороне моджахедов...»

Там командующий армией Громов повел себя как настоящий военачальник. Американцы предрекли: «...русские, наконец, поломают себе зубы об эту высоту». Но ничего: мы им показали кузькину мать – за короткое время мы выбили американскую надежду с высоты, аж пятки сверкали. Вот так, браток: на войне как на войне. – Он начал шарить по карманам, ища пачку сигарет: сначала левой рукой постучал по левому карману, потом правой по правому, затем пришел в себя. – Ах, забыл: здесь же нельзя курить. Потом, знаешь,

что случилось?

– Что?

– Я собрал все события в кучу и защитил кандидатскую диссертацию: «Стратегия и тактика локальных войн». Это должен был написать Семен – это его идея или хотя бы я вместе с ним. Но! Он остался там, и ему ничего не надо: он не умер от ран, но его жизнь, не находя пристанища, рассыпалась на кусочки – здесь хорошо, там плохо, потому что ту войну, где он потерял все, что у него есть, объявили преступной.

Игорь долго не задавал вопросов.

– Да, – со вздохом выронил он наконец – были времена и люди. Я думаю, что же меня тянет к нему. Мой отец тоже был преступником – он все это время с 1979 по 1989 год, десять лет, отсиживался в тюрьме за...

* * *

Дверь в реанимационную палату открылась, и доктор в белом халате вышел в коридор. Он снял марлевую повязку и, глядя на Андрея, сказал:

– Мне очень жаль, – сердца у близких дрогнули. Андрей встал. – Я не могу сказать вам ничего утешительного: он в коме, и спасти его может только чудо.

– Мне тоже очень жаль, – сказал Игорь после того, как врач удалился. – Он был для меня незаменимым человеком,

другом...

– Ты поосторожней, парень, – сказал Андрей. – Он еще живой, и ты не знаешь, сколько в нем силы. Но ты все равно жалеешь!

– Почему?

– Как только поправится, он решил уехать в Афганистан – он получил приглашение от человека, против которого он воевал много лет назад.

– Опять воевать?

В комнату внезапно вошли встревоженные парень и девушка. Парень стал смотреть по сторонам, а девушка – колотить окошко в двери.

– Откройте! – высоким голосом завопила девушка.

– Это реанимация? – спросил парень.

– Да, – ответил Андрей и про себя с горечью добавил: «Да, это место, где выпускают последний вздох». – А вы к кому?

– К Белозерову, – ответил парень.

Андрей округлил глаза и в раздумье бросил взгляд на девушку, которая чем-то была похожа на друга. У него екнуло сердце, он сглотнул комок в горле.

– Это моя жена, – сообщил парень, указывая на девушку, – и его дочь.

Сквозь звездный небосвод Семен начал слышать тонкий, переливающийся голос, разрезающий тьму:

– Па-па!

Он впервые в жизни слышал такое слово. Еще раз и еще

раз. К нему начала возвращаться сила, достаточная, чтобы поднять налившиеся свинцом отяжелевшие веки. Он увидел над собой, как в тумане, лицо, и оно было похоже на то, что пришло к нему во сне вместе с зубной болью.

– Дочь, – выговорил он наконец, дотрагиваясь до ее руки. – Это ты?